

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Инкогнито грешницы

10

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Марина Крамер
Инкогнито грешницы,
или Небесное правосудие
Серия «Черная вдова
Марина Коваль», книга 10

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874745
Марина Крамер Инкогнито грешницы Черная вдова Марина Коваль #10:
Эксмо;

Аннотация

От себя не убежишь. Тихая и мирная жизнь английской домохозяйки не устраивает Железную леди Марину Коваль. Ни новая прическа, ни новое лицо, созданное известными пластическими хирургами, не способны изменить мировоззрение Марины. Она понимает – это не для нее, да и повод все в очередной раз изменить находится быстро. Кто-то решил любой ценой избавиться от ее подруги Веты, муж которой – Гриша Бес – лежит в больнице с простреленной головой. Марина собирается поддержать подругу и для этого возвращается на родину. Но помощь Вете – не единственная цель Марины. У нее самой имеется парочка дел в родном городе. И теперь ничто не сможет

ей помешать добиться справедливого правосудия и наконец-то разобраться в своих чувствах к любимым мужчинам...

Содержание

Бристоль	7
Урал	32
Бристоль	40
Урал	49
Бристоль	52
Урал	66
Бристоль	73
Урал	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Марина Крамер

Инкогнито грешницы

Черная вдова

Марина Коваль #10

Выстрел. Хлопок. Пятно крови на белом листе бумаги – там, куда упало тело, пару секунд назад бывшее влиятельным человеком. Что-то подписывал – не успел. Скрепил кровью.

Последняя мысль кажется особенно удачной – «шутка юмора», можно даже кому-то рассказать как веселый каламбур. Убрать винтовку, аккуратно осмотреться – нет ли чего лишнего, не осталось ли следов пребывания на этом чердаке, и все – можно уходить. Дело сделано, деньги заработаны. Можно расслабиться и позволить себе что угодно – хоть бокал холодного пива с ярко-красными свежесваренными раками, хоть рюмку дорогого коньяка с ломтиком лимона. Деньги возносят на совершенно иную ступень, чем та, которую ты занимал прежде. «Из грязи в князи» – так мама говорила. Ну, в князи так в князи. А что молодой – так не страшно. Этот недостаток, как известно, проходит очень быстро. Кто-то раньше начинает, кто-то позже. У него вот вышло так, как вышло, и жалеть не о чем.

«Мама-мамочка, ты тоже поймешь и осознаешь, что это

– самый лучший выбор. И жизнь у нас с тобой будет теперь такая, какой ты была достойна все эти годы. И я – я! – тебе ее обеспечу».

А тело... да оно и при жизни-то ничего хорошего никому не сделало, тело это. Пусть гниет, не жалко.

Бристоль

Хризантемы. Их столько, что невозможно посчитать, даже приблизительно невозможно представить, сколько их. Они только желтые, других нет – игольчатые, шаровидные, кустовые. Они лежат на кровати, на полу, на тумбочках. Они стоят в ведрах и вазах вниз по лестнице. Они умопомрачительно пахнут семечками – кажется, что где-то рядом поле подсолнухов с вызревшими уже семенами, одетыми в черную скорлупу, а внутри – молочная белая сердцевина. Этот запах – как связь с прошлым, все меняется, а это остается постоянным, некая константа, позволяющая не сойти с ума. Когда раз в году дом напоминает цветочный магазин, кажется, что ничего плохого не случилось. Да и как могло – когда вокруг столько цветов? Там, где есть цветы, не может быть горя. Хризантемы – маленькие персональные солнышки среди зимы, предназначенные только для нее. Для нее – единственной женщины на свете. И никакого труда нет в том, чтобы объехать все близлежащие городки, скупая эти хризантемы и бережно укладывая их сперва на сиденья, а потом в багажник джипа. И так почему-то радостно наблюдать за тем, как реагирует очередной цветочник на это хризантемовое безумие. А потом всю ночь расставлять, раскладывать цветы, чтобы утром увидеть счастливую улыбку и услышать фразу, ради которой все затевалось: «Спасибо тебе, родной»...

– Вставай, родная. Ну, вставай же... ты так проспишь все на свете.

От поцелуев хочется укрыться под одеялом и еще пару минут побыть в блаженном забытии сна, там, где все всегда заканчивается хорошо. А что ждет ее тут, в реальном мире? Да ничего – один и тот же серый бристольский пейзаж за окном, шпиль собора, гуляющий с собакой сосед... Проклятая английская стабильность, от которой иногда хочется напиться.

Сегодня ей опять снился Егор – и потому пробуждение было особенно мучительным. Снова этот кошмар выбора между мертвым и живым. И от этого хочется волком завывать – ведь явно Женька старался и ездил за цветами, потому что она уже чувствует наполнивший квартиру запах хризантем. И надо открыть глаза, поцеловать мужа и сказать «спасибо, родной» – а сил нет. Нет сил – потому что во сне был он, единственный по-настоящему любимый человек. Муж. Егорушка. Малыш. Как же трудно постоянно жить прошлым, как невыносимо... И вроде он отпустил ее, не манил больше к себе – но она сама все еще иной раз возвращалась.

Взъерошив коротко остриженные платиновые волосы, женщина выбралась из-под одеяла, поправила сползшую бретельку ночной рубашки и села, прислонившись спиной к высоко поднятой подушке.

В ногах у нее полулежал широкоплечий мужчина в простой белой майке без рукавов и спортивных брюках. Улыбался и смотрел ласково, как на самое дорогое на свете:

– С днем рождения, любимая.

Она не успела ничего ответить – на пороге спальни возник рослый темноволосый мальчик лет восьми, одетый в форму одной из местных начальных школ. В руках у него – сверток в подарочной упаковке и белая роза на длинном толстом стебле. Огромная, с хороший мужской кулак, белая роза.

– Мамочка, с днем рождения! – Мальчик запрыгнул на постель к матери и обнял ее за шею, невольно оцарапав шипом розы. – Ты мой подарок первым посмотри, хорошо? А то я в школу опоздаю.

Она улыбнулась, стараясь скрыть, что шип цветка довольно сильно поцарапал кожу на шее, взяла сверток и низким хриловатым голосом проговорила:

– Чувствую, ты постарался.

Мальчик с волнением наблюдал за тем, как тонкие пальцы женщины развязывают белую тесьму, потом разворачивают плотную бумагу, похожую на шахматную доску, и вот уже у нее в руках фотография в рамке – улыбающаяся именинница в обрамлении мелких хризантем, вылепленных из какого-то цветного материала явно вручную.

– Грег, ты что же – сам? – удивленно протянула женщина, рассматривая рамку и понимая, сколько кропотливого труда вложено в нее.

– Сам, – чуть покраснев от удовольствия, кивнул мальчик. – Это же твои любимые цветы. А фотография – моя любимая.

«В прошлой жизни я выглядела немного иначе», – произнесла она про себя, рассматривая снимок, на котором яркая длинноволосая брюнетка с чуть прищуренными глазами зажимает зубами дужку черных очков и лукаво улыбается, глядя в объектив.

– Все, мамуля, я побежал – там миссис Каллистер ждет! Грег поцеловал мать в щеку, соскочил с кровати, хлопнул по плечу мужчину и выбежал из комнаты.

– Что это он взялся с Каллистерами ездить? – не совсем довольным тоном спросил мужчина, вставая и направляясь к окну, из которого был хорошо виден задний двор и калитка, у которой стоял припаркованный синий «Порш».

Женщина улыбнулась:

– А ты не знаешь? Ему очень нравится Анетт Каллистер.

– Ну и вкус, – покачал головой мужчина и отвернулся от окна, поправив штору. – Может, теперь и мне немного вашего драгоценного внимания перепадет, миссис Силва? – он присел на край кровати и выжидательно посмотрел на блондинку.

– Ой, Женька... – болезненно поморщилась она. – Давай хоть наедине без этого, а? Я так от этого всего устаю – зубы сводит.

– Марина, мы сто раз обсуждали... – начал было он, но тут

же оказался поваленным на постель, а Марина уселась сверху и вкрадчиво спросила, пробегая длинными алыми ногтями по белой майке от шеи вниз:

– Ты хочешь спорить? Или хочешь... а чего, собственно, ты хочешь? – и в глазах у нее было столько чертовщины, что Женька не выдержал.

– Ты когда-нибудь угомонишься?

– Нет! – заверила она со смехом. – Грега не будет до пяти часов. И я заслужила в свой день рождения немного фантазий, правда, дорогой?

Женька со стоном поднял вверх руки, признавая поражение.

– Ты невыносимая.

– Но ведь за это ты меня и любишь, правда?

Кофе Женька варил отменный, все именно так, как Марина любила, – крепкий, немного корицы, молоко. Аромат заполнял кухню, вызывая странное ощущение счастья и покоя, – так всегда бывало. Свежий кофе почему-то вселял уверенность в том, что все в порядке, ничего не произойдет. Марина с мокрыми после душа волосами в черном шелковом кимоно сидела на высокой барной табуретке и держала в пальцах тонкую сигарету. Утренний ритуал, пусть и вынужденно сдвинувшийся сегодня больше чем на час. Пальцы Женьки, поставившего перед ней чашку кофе, все еще подрагивали – Марина по-прежнему выжимала из него в по-

стели все по максимуму, но его это устраивало. Он очень боялся потерять ее, а потому старался соответствовать.

– Ну что, именинница, какие еще пожелания? – усаживаясь за барную стойку с другой стороны, спросил Женька.

Марина сделала вид, что задумалась, отпила кофе и, улыbnувшись, проговорила:

– Ты не хочешь прогуляться, пока Грегори в школе?

Женька осторожно перевел взгляд на окно – погода не баловала, было пасмурно, хмурые серые облака закрыли все небо, и вот-вот мог повалить снег, который не задержится долго, а моментально раскиснет и будет напоминать серую грязную кашу. Не самая подходящая для прогулок погода... Но отказать жене в ее капризе он не мог – чего бы этот каприз ни касался.

– Ну, одевайся, поедem.

Он тяжело поднялся с табурета и пошел в гардеробную.

Марина еще посидела в кухне с сигаретой и тоже стала собираться. Очень тянуло к любимым черным вещам, но вот уже довольно долгое время она запрещала себе делать то, что позволяла раньше, привыкая к новому образу и новому лицу. Это оказалось сложнее, чем она думала раньше. Ей казалось – ну, что такого, подумаешь, другой разрез глаз, другие губы, другие скулы и нос? Ведь главное, что внутри она не изменилась, осталась прежней, жесткой и тяжелой Мариной Коваль, которую знали и которую боялись. Но нет – каждое утро в зеркале отражалась совершенно другая женщина с бо-

лее мягкими чертами, которой так не шло внутреннее «железо» нестигаемой Наковальни. Жить с этим несоответствием оказалось намного труднее. Марина старалась оттенить новый образ другими красками, попытаться хотя бы с помощью цвета смягчить тяжесть взгляда и скорбную складку, залегшую между бровей, но нет – этих ухищрений оказалось недостаточно. Даже манера разговаривать, курить, смотреть – во всем этом то и дело сквозила прежняя Коваль, никак не желавшая сдаваться.

Хохол молчал, глядя на все эти ухищрения, но Марина чувствовала – он не одобряет того, что она сделала, не может смириться, не хочет принять ее такую. Это неизбежно приводило к ссорам и долгим молчаливым вечерам. Маленький Грегори тоже никак не хотел смириться с новым обликом матери. Марина не могла без боли в сердце вспоминать первую встречу с сыном после возвращения из России. Это оказалось настолько тяжело и больно, что в какой-то момент Коваль устыдилась собственного эгоизма и нежелания выслушать чужую точку зрения. Ведь Хохол предупреждал ее еще до операции, что все может пойти именно так. Сын и его реакция были единственными аргументами, с помощью которых Женька пытался переубедить Марину и заставить отказаться от принятого решения. Но и это ее не удержало, не остановило.

Когда они вошли в дом, вернувшись из России, Грегори, бросившийся было к матери, вдруг замер на последней сту-

пеньке лестницы, вцепившись побелевшими от напряжения пальчиками в перила. Марина раскинула руки, как делала всегда, вернувшись домой откуда-то, но сын не кинулся к ней в объятия, не повис на шее. Он стоял и смотрел на нее, как на чужую, и от этого чистого детского взгляда ей было стократ больнее, чем от любого удара. Грегори не узнал ее...

Развернувшись и не сказав ни слова, мальчик ушел к себе в комнату и там заперся, а Коваль без сил опустилась на пол, закрыла руками лицо.

– А чего ты ждала? – жестоко осведомился Хохол, присаживаясь на корточки и начиная расстегивать ее сапоги. – Ты выглядишь так, словно я женился второй раз на совершенной твоей противоположности. И как пацан должен реагировать? Он ребенок! Я-то едва узнал, скорее по запаху, по ощущению – а он? Ему что делать? Прекращай давай, поднимайся. Я поговорю с Грегом, объясню, совру – да что угодно. Мы ему и так всю душу вымотали своими разборками, скандалами и передрягами, а тут еще и ты – с таким лицом.

Говоря это, Женька продолжал раздевать ее, поставил на ноги, крепко встряхнул и, заглянув в глаза, велел:

– Иди к себе, полежи пока. Надо еще отца подготовить – слава богу, вертится, видно, в кухне, не услышал. Только инфаркта не хватало, он и так еле живой в последнее время.

Об этом она тоже не подумала – отец. Пожилому человеку такое потрясение ни к чему... И только Женька, все понимающий и прощающий Женька, готовый в любую секунду

подставить плечо, взять на себя решение каких-то вопросов, думал, оказывается, и об этом тоже...

Воспоминания давались тяжело, Марина потрясла головой и решительно сдернула с полки гардеробной песочного цвета водолазку и такие же джинсы – внизу ждал Женька, нужно было использовать шанс побыть с ним вдвоем, поговорить, прижаться к его надежному плечу и почувствовать себя, как обычно, в полной безопасности.

Она старалась не водить здесь машину сама – никак не могла перестроиться под левостороннее движение, а навыки экстремального вождения только мешали, раззадоривая в ней желание утопить педаль газа в пол и рвануть мимо полисмена. Но Марина уговаривала себя сдерживаться и не вспоминать привычек из прежней жизни – так было намного безопаснее. Прошло более полугода с момента ее возвращения из России, но впечатления от поездки и отголоски ее до сих пор еще докатывались до тихого городка в Англии. Зажили рубцы после пластической операции, сделавшей Марину Коваль совершенно неузнаваемой, изменились какие-то жесты – но внутри она все равно оставалась той самой Наковальней, какой была долгие годы до переезда сюда. И то, что она устроила в родном городке, стараясь обезопасить себя и ребенка от нападков ставшего мэром родственника Гриши, вполне было в ее духе – разве что на этот раз пришлось загрести жар чужими руками. Но даже в этой ситуации она не

утерпела и дала понять зарвавшемуся Бесу, что она причастна ко всему, что с ним происходило. Женька, конечно, орал и даже паспорт российский торжественно спалил в камине, но что это меняло? Ничего. Паспорт у нее был еще один, а будет нужда – найдется еще и еще. Дело в другом...

Марина вдруг поняла, что ей тесно в Англии, в этом уютном доме, в обустроенной и размеренной жизни, где каждый день словно День Сурка – ничего нового не происходит. Открытие не обрадовало...

Ей очень не хотелось огорчать Женьку, вложившего столько сил и нервов в этот переезд, напоминавший, скорее, спешную эвакуацию из района военных действий, в который превратился – его стараниями, кстати – небольшой уральский городок. Но здесь она задыхалась, впервые поняв, что спокойная жизнь – не ее удел. Как жить с этим дальше, Марина пока не знала. Возвращаться в Россию нельзя. Остаться здесь просто невозможно – она так скоро с ума сойдет или начнет палить из окна по прохожим, как несколько лет назад сделал их тяжело больной сосед. Выхода не было.

– О чем ты думаешь, котенок? – ворвался в ее мысли голос Женьки, не отрывавшего глаз от дороги, но между тем остро чувствовавшего Маринино состояние.

– Давай на Кипр уедем, а? – внезапно проговорила Марина, и Хохол удивленно покосился на нее. – Хотя бы на полгода-год, а?

Женька не ответил, только плотно сжал челюсти, и Коваль

увидела, как надулись вены на его шее, выдавая крайнюю степень напряжения и злости.

Он остановил машину на парковке, помог Марине выйти и повел в парк. Оба молчали. Коваль не понимала, почему Хохол, совсем недавно мечтавший уехать из Англии, сейчас вдруг так странно реагирует на ее предложение об отъезде. Он же никак не мог взять в толк, с чего бы такая резкая перемена в желаниях. Все его прежние разговоры разбивались о категорическое «нет» и железный аргумент – Грегори нужно учиться. Сейчас же и учеба Грегори перестала быть препятствием. И это наводило только на единственную мысль – Марина скрыла от него что-то. Что-то, произошедшее там, на родине, и в чем она безусловно, без вариантов завязла. Хохол вдруг понял, что по возвращении Марина отделалась какими-то общими фразами, не сказав ничего конкретного и не упомянув никаких имен, кроме Беса. А ведь вряд ли она смогла бы в одиночку справиться с ним, совсем без посторонней помощи. Выходит – обманула? Это было ново в их отношениях. Коваль могла быть какой угодно, но вот врать не была приучена, тем более – врать ему. Иной раз Хохлу даже хотелось, чтобы она умела делать это и не рассказывала ему о своих изменах, например.

Это нечаянное открытие неприятно поразило Женьку, но он постарался остудить себя – в конце концов, сам первый начал скрывать от нее что-то. Коваль до сих пор так и не узнала, какой кровью ему удалось вывезти ее из России. А

уж чего-чего, но крови хватило. Хохол сам себе бывал противен, когда вспоминал, как вместе с парнями из бригады Матвея Комбарова превратил небольшой клуб-казино «Тропиканка» в филиал скотобойни и морга одновременно. Они без жалости вырезали всех, кто оказался в клубе в ту ночь, – а это были приближенные и родственники Реваза – того самого Реваза, что уложил Марину на больничную койку, мстя за брата Ашота. Клубок змей, мерзких и скользких, и Хохол, почуяв первую кровь, впал в неуправляемый гнев. Они не выпустили никого, а клуб подожгли. Завезенные предварительно в подвал клуба баллоны с кислородом, применяемые для сварки, сильно облегчили задачу, и к утру на месте «Тропиканки» осталось только огромное пепелище, скрывшее гору трупов, обращенных огнем в прах. Выездной филиал крематория, огромная братская могила, на которую никто никогда не установит памятника с табличкой. И только в воображении Жеки Хохла иной раз возникала и табличка, и надпись – «Это вам за Наковальню, суки». Он отомстил, как сумел, как смог, хотя все чаще становился от этого отвратителен сам себе.

Хохол никогда не рассказывал об этом Марине – он стыдился себя, тогдашнего, и боялся, что она начнет отстраняться. Да, он не впервые убил человека, но такое массовое убийство – это все-таки за гранью, и никакие чувства не могут служить оправданием. И он себя тоже не оправдывал. Хотел раньше, пытался – но так и не смог найти нужных аргумен-

тов, чтобы успокоить ноющую совесть.

Сейчас Хохол вдруг поймал себя на том, что они с Мариной бредут рука об руку по парку и молчат. И, очевидно, каждый крутит в голове какие-то свои думы. Знать бы еще, о чем конкретно думает Марина...

Он остановился посреди аллейки, развернул Коваль лицом к себе и поцеловал. Она, против обыкновения, не начала отстраняться, не уперлась руками в грудь, а, наоборот, крепко прижалась и обвила его руками.

– Трудно тебе со мной? – спросила, когда он оторвался от ее губ, и Женька даже не сразу понял, что она имеет в виду.

– Что?.. А... нет, котенок, ну что ты. Ты у меня единственное, что вообще есть на свете, – не выпуская ее из объятий, проговорил Хохол и снова прижал Марину к себе, чтобы она – не дай бог! – не увидела, как в его глазах заблестело что-то, похожее на слезы.

– Я не о том.

Хохол мысленно выругался и откинул голову, чтобы она все-таки не видела его лица.

– А о чем? – Ему очень не хотелось, чтобы сейчас она начала выпытывать, копаться в прошлом – потому что не готов был говорить правду, а снова врать уже стало невыносимо. – Я только о тебе...

Вот тут Марина отстранилась и поймала Хохла за подбородок пальцами, и сжала, заставив его зашипеть и опустить глаза.

– Женья... не крути, а? Ты ведь прекрасно понял, о чем я спросила. Зачем бесишь меня? Что опять стараешься скрыть?

– Мариш... пусти, больно ведь, – он попытался освободиться, но Коваль держала крепко.

– Ну, так отвечай – и свободен, – насмешливо протянула она.

– Я не понимаю, чего ты хочешь. Чтобы я в очередной раз прямо тут в грязь брюхом плюхнулся? – тоже начал заводится Хохол, перехватив Маринину руку и надавив на запястье так, что Коваль охнула и разжала пальцы. – Опять на те же рельсы? Вспомнила прошлое, ага? Наковальня в тебе проснулась? Ну, так будь добра – со мной-то не демонстрируй!

Он развернулся и зашагал к стоянке, не понимая, что нашло на него и зачем он испортил любимой жене день рождения. Но повернуть назад он не мог. На стоянке, сев в машину, Женька закурил и решил: подождет минут пятнадцать – вдруг Марина придет. Но она не пришла ни через пятнадцать, ни через полчаса, и Хохол, окончательно разозлившись, поехал домой один.

По дороге он не отказал себе в удовольствии и заглянул в небольшой паб, где работал русский бармен Ваня, с которым у Хохла установились довольно приятельские отношения. Пить Женька не собирался – все-таки за рулем, но выкурить сигаретку, перевести дух и перекинуться парой слов с кем-

то, кто, кроме Марины, владел русским языком, очень надеялся. Языковой барьер, который Хохол так и не мог преодолеть, делал его существование в Англии совершенно невыносимым. Хорошо еще, что тесть приезжал довольно часто, и тогда они долгие вечера проводили у камина за разговорами – Виктор Иванович писал очередную работу об изнанке русского криминала, а Хохол снабжал его «материалом». Да, тесть...

Женька часто вспоминал разговор, состоявшийся между ними сразу после возвращения Марины из России полгода назад. Шокированная реакцией сына на свое новое лицо, Коваль пребывала в состоянии прострации, послушно дала увести себя наверх и не выразила вообще никакого недовольства тем, что Женька распоряжается, командует. Ему это было только на руку...

Устроив Марину в ее спальне на кровати, он спустился в кухню, где суетился Виктор Иванович, готовивший завтрак. Старый журналист резво обернулся от плиты и ахнул:

– Женья! А когда вы... я даже не услышал! Грегори спустился? А Мариша где же?

– Она прилегла, – уклончиво ответил Хохол, пожимая протянутую для приветствия руку.

– Садись, я кофейку тебе... – Виктор Иванович снова повернулся к плите, но Хохол остановил его:

– Успеется с кофейком. Разговор есть. Присядем?

Виктор Иванович напрягся. Подобные фразы от зятя он

слышал пару раз в жизни, и никогда ничего приятного за ними не следовало. Он сел напротив Женьки за барную стойку, сложил руки перед собой и сжал их в замок, чтобы не было видно, как вдруг задрожали пальцы.

– Что-то случилось?

Хохол молчал, собираясь с мыслями. Он еще не решил, как именно преподнесет тестю информацию об изменениях, произошедших в Марининой внешности. Но тянуть было уже некуда. Женька вздохнул.

– Виктор Иванович, дело в том... в общем... даже не знаю, как вы отнесетесь, только, пожалуйста, не волнуйтесь, ничего страшного...

– Женья! Не юли.

– В общем, Маринка лицо перекроила так, что от нее прежней вообще мало что осталось, – бухнул Хохол, чувствуя себя прыгуном в воду, которого заставили сигануть в пустой бассейн.

Тесть молчал, переваривая информацию. По его лицу пробежала тень, глаза наполнились влагой, которую Виктор Иванович неловко смахнул рукавом серой домашней кофты.

– Зачем? – вывернул он с трудом.

«А поди, сам спроси!» – рвалось у Женьки с языка, но он сдержался.

– Ну... захотела. Вы же знаете, что ее не переубедишь.

– Знаю. Но не понимаю – к чему, зачем ей эти сложности? Что с ней было не так?

– Это ее бабские штучки, – буркнул Хохол. – Я просто вас хотел предупредить, чтобы шока не было. Ее вон Грег не узнал, даже не подошел. Не знаю, что говорить, как объяснять...

Виктор Иванович тяжело вздохнул, и по выражению его лица Женька заключил: помощи не последует – тесть понятия не имел, как помочь ему в вопросе с Грегом.

– Что... с твоими руками? – словно только очнувшись, обратил внимание на его повязки Виктор Иванович, и Хохол тоже перевел глаза на перемотанные бинтами кисти.

– Это... а-а-а, так... Кислотой облился из аккумулятора.

Примерно это же он сказал Марине в аэропорту, не желая выдавать истинной причины – нелепой, почти детской попытки свести татуировки, много лет заставлявшие его в Англии прятать руки в перчатках в любое время года. Ожоги оказались глубокими, рубцы – безобразными, а левая кисть плохо слушалась и почти не разгибалась.

– Кислотой? – упорствовал тесть, и Женька кивнул.

– Помогал Машке аккумулятор поменять.

Машку, подругу Марины еще с незапамятных времен, Виктор Иванович знал. Однако что делал Женька, объявленный в розыск, в Сибири, где она жила? Взгляд тестя стал недоверчивым, и Хохол тоже вдруг понял, что слегка прокололся.

– Виктор Иванович, дела были... и с Маринкой повздорили крупно из-за этой ее операции... словом, не копайте

глубже, а? – попросил он. – Врать не хочу, а правды сказать тоже пока не могу.

Старый журналист вздохнул. Дочь и зять вели такой образ жизни, при котором лучше действительно не задавать лишних вопросов.

– Что мне с пацаном делать, Виктор Иванович? – перевел разговор в более безопасное русло Женька, в самом деле обеспокоенный реакцией Грегори на новый облик матери. – Маринка с ума сходит, да что уж теперь... Раньше думать надо было. Но как Грегу объяснить?

– С Грегом я разберусь сама! – раздался в дверях голос Марины, и Хохол резко обернулся.

Она стояла, вцепившись пальцами в косяки, и ее чужое теперь лицо выглядело почти отталкивающим. Виктор Иванович охнул, прикрыв рукой рот, но сумел совладать с собой, приблизился к дочери и обнял ее. Марина так и не сдвинулась с места, и только побелевшие костяшки пальцев выдавали ее напряжение.

– Папа, если тебя что-то не устраивает в моей внешности, то придется смириться – по-другому уже никогда не будет, – сухо бросила она. – То, что я делаю с собой, касается только меня. И тебе придется принять это – или не принять, как хочешь. Но оправдываться я не буду.

– Да я же не прошу тебя оправдываться, – виновато проговорил отец, отстраняясь от нее. – Просто ты могла бы хоть иногда считаться и с нашими чувствами тоже – с Жениными

вот, с моими... наконец, у тебя есть сын, который еще недостаточно выросл, чтобы понимать и принимать...

– Я же сказала – с Грегом я все решу сама! – отрезала Коваль и, развернувшись, ушла на второй этаж.

Виктор Иванович остался стоять у двери, чуть ссутулив прямые плечи и опустив голову. Хохол вздохнул – поведение жены иной раз ставило его в тупик. Марина вроде бы и любила отца, которого обрела уже во взрослом возрасте, вроде бы простила ему то, что провела детство так, как провела, – с пьющей матерью, а не в благополучной семье успешного журналиста. Но порой позволяла себе вот такой тон в разговоре, такие резкие слова и категоричные суждения, безапелляционные фразы и холод во взгляде, и от этого Виктор Иванович ощутимо терялся, сникал и старался как будто сделаться даже меньше ростом и не попадаться дочери на глаза. Хохол же в такие моменты чувствовал себя не в своей тарелке – возражать Марине он не мог, понимая, что у той есть некое право винить отца в каких-то своих детских обидах, но и позволять ей вести себя подобным образом тоже не хотел. Это несоответствие заставляло его злиться; Женька старался уйти в подвал, где был оборудован небольшой спортивный зал, и там долго колотил голыми руками макивару, чтобы сбросить злость и напряжение.

Сейчас он решил иначе.

– Пойду послушаю, о чем говорят, – пояснил тестю, поднимаясь со стула и направляясь следом за Коваль наверх.

Поднявшись на цыпочках по лестнице, Женька подошел к закрытой двери в комнату Грегори и осторожно прижался ухом. В комнате ничего не происходило, но чуткий Хохол слышал, как тяжело дышит Марина, привалившаяся спиной к двери с той стороны. Наконец она заговорила своим чуть хрипловатым голосом:

– Егор, сынок... я все тебе объясню, только повернись ко мне, пожалуйста. Я не могу разговаривать с твоей спиной.

Мальчик не ответил. Хохол старался пореже дышать, боялся обнаружить себя – не хотел, чтобы Марина разозлилась и обвинила его во вмешательстве в ее разговоры с сыном.

– Егор. Ты уже взрослый, ты должен меня понять, – говорила меж тем Коваль, и Женька понял: Грегори все-таки повернулся к ней лицом – иначе она не стала бы разговаривать. – Я уже не так молода, как раньше. Мне очень хочется, чтобы папа по-прежнему восхищался мной...

– Мой папа давно умер! – четко выговорил Грегори, и у Хохла мурашки побежали по спине. – Он не может видеть тебя!

– Егор! – чуть повысила голос Марина. – Мы сто раз обсуждали это. Твой отец – Женя, он воспитал тебя, вырастил. И ты должен проявлять уважение к нему. Он не сделал тебе ничего плохого, никогда ничего – ведь так?

– Он делал плохо тебе, – упрямо сказал мальчик.

– Это тебя не касается! Если уж на то пошло – то я сама была виновата. Но я люблю его, и он любит меня. И я хочу,

чтобы так оставалось и дальше, ведь папа – самый родной человек и для меня, и для тебя тоже. И я хочу нравиться ему, понимаешь? Когда ты вырастешь, у тебя тоже будет жена, и ей тоже будет хотеться, чтобы ты смотрел всегда только на нее...

– И ради этого ты испортила себе лицо? – Хохол услышал в голосе Грегори сдерживаемые слезы, и сердце его сжалось от сочувствия – мальчику очень хотелось плакать, но он не мог позволить себе слез при матери. Она всегда говорила – мужики не рыдают, как девчонки.

– Испортила? – чуть удивленно протянула Коваль. – Ты считаешь, я стала хуже?

– Ты стала чужая! – выкрикнул Грегори. – Чужая! Ты теперь не моя мама, ты просто какая-то незнакомая тетка! И ты ради него... ради него... а как же я? Как же я? Почему ты не спросила у меня?

– Егор, что ты говоришь... зачем ты это говоришь? – простонала Марина, и Женька услышал, как она скользнула спиной по двери, опустившись на пол. Пора было вмешиваться...

Он решительно дернул ручку и вошел в комнату, стараясь на ходу придать лицу легкомысленное выражение, как будто не слышал ни слова из их разговора.

– Вы чего это тут?

Марина даже не повернулась, так и сидела на полу у его ног, обхватив руками голову, а Грегори... В прямом детском

взгляде, устремленном на Хохла, он вдруг прочитал ненависть – настоящую ненависть и ревность. Две слезинки выкатились на щеки, но мальчик быстро смахнул их тыльной стороной ладони и отвернулся.

– Это из-за тебя, – пробормотал он по-английски, прекрасно зная, что Хохол не понимает практически ничего.

Да, Женька не понял слов – но чутко уловил интонацию мальчика и заметил, как дернулась сидящая на полу Марина, однако решил оставить все, как есть. В конце концов, несерьезно взрослому мужику спорить с ребенком, даже если предмет спора – любимая обоими женщина.

– Мэриэнн...

Она подняла голову и негромко спросила по-русски:

– Какого хрена? Я просила!

Хохол опустил на корточки, привлек ее к себе и прошептал на ухо:

– Не знаю, что тут произошло, но прошу тебя – прекрати. Не дави на него сейчас, дай ему привыкнуть, присмотреться. Оставь хотя бы на ночь, вот увидишь – завтра все пойдет иначе. Идем.

Он заставил Марину встать и выйти из комнаты. Грегори даже не обернулся, не проводил их взглядом, так и сидел на кровати, поджав ноги и глядя в окно.

Коваль пролежала в спальне весь день, не вышла ни к обеду, ни к ужину, и Женька настрого запретил тестю подни-

маться к ней. И только поздно вечером, когда Виктор Иванович уже ушел к себе, Хохол вдруг услышал легкие детские шаги на втором этаже – это Грегори пробежал в родительскую спальню. Женька не стал мешать их разговору, ушел посмотреть телевизор и так и задремал перед экраном, очнувшись только среди ночи. Поднявшись в спальню, он обнаружил, что Грегори спит рядом с Мариной, крепко держа ее за руку. Коваль же не спала, лежала на спине, уставившись в потолок. Она чуть повернула голову на звук открывшейся двери и улыбнулась Женьке почти прежней улыбкой. Хохол бережно поднял сына и унес его в комнату, укрыл одеялом и выключил ночник у кровати.

– Почему ты всегда знаешь наперед, как будет? – проговорила Коваль, когда он вернулся в спальню и сел на край кровати.

– Тут нечего знать, котенок, – привлекая ее к себе, вздохнул Женька. – Он еще слишком мал, чтобы понять твои закідоны. Я-то не каждый раз догадываюсь, а где уж пацаненку...

Марина спрятала лицо у него на груди и пробормотала:

– Хохол, что бы я делала без тебя, а?

– Жила бы, – улыбнулся он, но Марина дотянулась рукой до его губ и закрыла их, как запечатала.

– Не хочу об этом. Не хочу без тебя. Ты мой.

Она не увидела в темноте спальни, как Хохол пытается загнать внутрь рвущиеся эмоции. «Ты мой» – это звучало

для него куда полновеснее, чем все слова о любви.

...В сизых клубках сигаретного дыма за стойкой в маленьком пабе Хохол снова и снова прокручивал в голове этот момент и эти слова. Наверное, в тот момент Марина именно так и чувствовала... Но куда все это делось сейчас, сегодня? Даже в собственный день рождения Коваль осталась верна себе и испортила все...

Оставшись на тропинке одна, Коваль медленно вынула пачку сигарет и зажигалку, закурила, натянула тонкие кожаные перчатки и двинулась по аллее дальше, как будто ничего не произошло. Вспышка ярости Хохла не вызвала у нее особых эмоций – Марина прекрасно понимала, что с возрастом ему все тяжелее становится удерживать себя в рамках, все труднее признавать ее главенство и тяжелее зависеть от нее в моральном плане. А его зависимость была очевидна. Неглупый по жизни, хоть и не имевший образования, Хохол и сам это понимал и оттого злился еще сильнее.

Марина не пошла к машине, решила не добивать мужа совсем – пусть поедет домой один, одумается, переварит все, что сказал. Она отлично знала – уже сейчас, сидя за рулем, он жалеет обо всем и готов просить прощения. Но она не была готова их принимать. Всему наступает предел, и, видимо, вот он и наступил – Марина чувствовала опустошение и совершеннейшее нежелание разговаривать с мужем и вообще видеть его.

«Надо же, до чего дошло, — грустно думала она, медленно шагая по аллее в глубину парка, — я думаю о Хохле, как о постороннем, не хочу видеть, устаю, раздражаюсь. Кто бы сказал мне раньше, что так будет, не поверила бы. Мне всегда казалось, что Женька — моя последняя любовь, единственный близкий человек. Ведь с возрастом все труднее открываться кому-то, труднее не замечать недостатки другого человека — они просто сами в глаза лезут. А мириться с этим я и в молодости-то не умела, а уж теперь... И вроде бы Женька в этом плане — самый идеальный вариант, а вот поди ж ты. Он меня раздражает...»

Сигарета потухла, Марина приостановилась, повертела ее и бросила в урну. Влажный зимний воздух окутывал, неприятно холодил лицо, забирался за воротник пальто. Коваль поежилась, сунула руки в карманы и двинулась дальше, не вполне понимая, куда идет и зачем.

Урал

Кудрявая блондинка в распахнутой голубой дубленке открыла дверку «Ауди» и, аккуратно опустив на покрытую снегом дорожку ноги в высоких кожаных сапогах на тонкой шпильке, капризно бросила замершему водителю:

– Не жди меня. Я вернусь домой с охраной, когда они сменятся. И не провожай! – предвосхитила она движение водителя. – Здесь вряд ли что может произойти – кругом расставлены сотрудники и наши люди тоже.

Хлопнув дверкой, она направилась к стеклянной двери с табличкой «Городская больница «Скорой помощи». Там, в холле, ее уже поджидал полный пожилой мужчина в белом халате – главный врач вышел лично встретить супругу раненого мэра города.

– Виола Викторовна, как спали? – учтиво спросил врач, приложившись губами к небрежно протянутой для поцелуя руке.

– Почти не спала, – буркнула блондинка, сбрасывая дубленку ему на руки. – Какой тут сон? Как Григорий Андреевич?

– Состояние тяжелое, не буду скрывать, – вздохнул главный врач. – Мы делаем все возможное, но вы должны понять... Ранение головы, задет мозг, а мы не боги...

«Ну, ты-то даже не его подмастерье», – брезгливо подума-

ла Виола, прекрасно зная, что главный врач даже пальцем не прикоснулся к ее мужу – у него просто не было необходимой квалификации. Управлять – не оперировать.

– Вы проводите меня? Я сегодня не располагаю достаточным временем... – с намеком сказала она вслух. – Мне приходится разрываться между детским реабилитационным центром, где сын, и вашей больницей, где муж. А есть ведь еще и дом.

– Да-да, конечно, – заторопился главный врач. – Идемте, Виола Викторовна.

Они прошли длинным коридором к лифту, поднялись на второй этаж и оказались перед металлической дверью. Открыв ее, главный врач пропустил спутницу вперед, в небольшой закуток, где Виола сняла с вешалки одноразовый халат и нагнулась за бахилами. Однако главный тяжело присел на корточки и собственноручно натянул синие пакеты на ее сапоги. Виола про себя хмыкнула, но сдержалась. Она давно привыкла к тому, что ей, супруге мэра, часто оказываются услуги и почести явно сверх необходимых и определенных статусом. Раньше это льстило, со временем стало утомлять. Людское заискивание и подбострастие вызывали раздражение, угодливость злила, лесть выводила из себя.

Приняв помощь главврача с достоинством королевы, Виола толкнула вторую дверь и вошла в отделение реанимации. Резкий больничный запах ударил в нос, и тонкие ноздри дрогнули – она не выносила таких конкретных неприятных

ароматов. До палаты, где лежал ее супруг, пришлось пройти через все отделение. За стеклянными створками дверей индивидуальных постов шумно дышали аппараты искусственной вентиляции легких, сновали медсестры и санитарки, в одной из палат слышались звуки падающих в лоток инструментов – шла перевязка. Виола поежилась – всякий раз, оказываясь в больнице, она испытывала напряжение и дискомфорт.

В палате, где лежал мэр города Григорий Андреевич Орлов, было тихо. У двери сидел охранник, при виде Виолы вскочивший, но она только отмахнулась. Голова Григория была окутана бинтами, только прорези для глаз и носа да еще трубка аппарата, помогавшего ему дышать.

– Повезло Григорию Андреевичу, – проговорил остановившийся позади Виолы главврач. – В рубашке родился, не иначе. Не пойму, как так вышло – пуля застряла в веществе мозга, повреждения обширные, а он жив.

– Толку-то, – с досадой проговорила Виола. – Прогноз все равно не слишком радужный.

– Виола Викторовна, но ведь он жив...

– А толку?! – развернувшись, повторила вопрос Виола, гневно глядя в лицо главврача прозрачными голубыми глазами. – Ну, выживет – а дальше? Будет лежать бревном и глазами хлопать? Вы бы себе такой жизни хотели, а?

Главврач отступил на шаг, удивленный и слегка напуганный такой речью мэрской жены.

– Но...

– Слушайте, а идите-ка вы отсюда, а? – вдруг тихим голосом проговорила она, устремив взгляд куда-то в переносицу врача, и он вдруг ощутил приближение гипертонического криза, которые случались с ним довольно редко.

Он повернулся и, слегка пошатнувшись, еле успел ухватиться за дверной косяк. Сидевшая за столом поста медсестра недоуменно наблюдала за тем, как главный врач неуверенной походкой продвигается к выходу из отделения.

Виола же, удовлетворенно улыбнувшись, мотнула головой, давая понять охраннику, что и он тут лишний. Когда за широкоплечим парнем закрылась дверь, Ветка приблизилась к лежащему на кровати мужу и внимательно оглядела его.

– Н-да, Гриня... – протянула она безо всякого сожаления в голосе, словно лежащий перед ней человек не приходился ей никем. – Это ж надо... Кому опять насолил-то? Неужели все-таки Маринке, а? Тогда ты совсем дурак. Странно только, что не наглухо тебя, значит, вряд ли от Маринки кто-то – она бы не продешевила, не сэкономила. И уже бы в городе киселек-то варили на поминки.

В какой-то момент Ветке показалось, что Григорий ее слышит и понимает, и даже пальцы лежащей поверх одеяла руки словно бы попытались сжаться в кулак. Но спустя секунду она поняла: это ей только почудилось, и муж недвижим и безмолвен, как и прежде.

Полученное мэром огнестрельное ранение в голову не давало покоя не только его жене. Старый приятель, превратившийся со временем в недруга, Михаил Ворон тоже гадал, кто это посмел поднять руку на его, Мишкину, курицу, в последнее время начавшую нести для него золотые яйца. Путем банального шантажа Ворон заставлял мэра плясать под свою дудку, и Григорий, неожиданно для себя оказавшийся в роли марионетки, вынужден был оказывать кое-какие услуги. Если бы не Наковальня! Если бы не она – то с ним, Вороном, Орлов разобрался бы в две секунды, но существовала еще и она – жена покойного двоюродного брата, некогда правая рука и самого Гриши Беса, помогавшая ему «воцариться» в регионе еще в конце девяностых. Марина Коваль-Малышева по кличке Наковальня. И именно у нее находилась вторая часть компрометировавших Беса документов. Ворон в который раз удивился прозорливости и хитрости этой женщины – все просчитала, все продумала. У Беса не хватит пороку убрать их обоих сразу, а поодиночке – нет смысла, потому что тут же выплывет оставшаяся часть документов.

Отодвинув в сторону газету, Ворон снял очки и развалился в кресле. Кабинет в клубе «Матросская тишина», где Ворон предпочитал вести дела, резко контрастировал с убранством самого клуба, оформленного почти в стилистике «зоны». Здесь же все было основательно, чуть старомодно и дорого. Ворон любил удобные большие кресла, мягкие диваны

– никакой кожаной мебели не признавал, и этот кабинет удивительно гармонировал с его внешностью – лысеющий солидный мужчина с наметившимся брюшком, острыми карими глазами и прямым тонким носом смотрелся в нем естественно и на своем месте. Ворон любил хорошую музыку, обожал джаз и часто слушал его фоном во время работы. Вот и сейчас он дотянулся до пульта и чуть добавил громкости диску Луи Армстронга. Новомодные тенденции не трогали душу Ворона – только классика, только старые исполнители. Машинально прихлопывая по подлокотнику кресла в такт мелодии, он решил позвонить Наковальне – существовал у них теперь отдельный канал связи, отдельная сим-карта только для одного абонента. Мобильный с этим номером хранился у Ворона здесь же, в кабинете, во вмонтированном в подлокотник дивана тайничке. Вытащив его и включив, Мишка нажал кнопку «дозвон» и спустя пару минут услышал низкий, чуть хрипловатый голос Наковальни.

– Я тебя слушаю.

– Ты можешь говорить?

– Да, я одна. Что-то случилось?

– Случилось.

Она молчала, и в этом молчании Ворону вдруг почудилась какая-то недосказанность. Складывалось впечатление, что Марина в курсе произошедшего с Бесом, но старается скрыть это. Хотя... За Наковальней никогда не водилось такого греха, как любопытство и нетерпеливость, возможно,

потому она и молчала, ожидая продолжения.

– Кто-то Беса выхлопнул – слыхала? – он потянулся к сигаретам.

– Откуда мне? – совершенно без эмоций поинтересовалась Марина, и это спокойствие и даже равнодушие тоже не понравились Ворону.

– Ну, так вот я тебе говорю. Прямо в кабинете мэрии и подстрелили.

– Наглухо?

– Удивишься – нет. В башке пуля застряла, вынули вроде, лежит он сейчас в больничке, чин-чинарем – охрана, все дела. Я вот думаю... – он многозначительно умолк, выдерживая паузу. Наковальня на том конце тоже молчала.

– Если думаешь, что это я, так не парься – нет, – произнесла она наконец, и Ворон испытал облегчение – по ее ровному тону ему показалось: хитрая баба не врет. – У меня нет причин, а за старое вроде как рассчитались.

– Ну так-то да, – протянул Ворон, докурив. – Тогда не знаю, что и думать.

– Вокруг посмотри. Мало ли кому Гришка дорогу перебежал? Он верткий, хваткий – а это не всем нравится.

Ворон услышал щелчок зажигалки – значит, тоже закурила. Если бы он не знал ее столько лет, решил бы, нервничает. Но нет – не похоже, что Наковальня в курсе событий, да и к чему ей такие сложности? Она и раньше-то всегда предпочитала держаться чуть в стороне от «мокрых» дел, и уж ес-

ли решала свести с кем-то счета подобным образом, то, во-первых, для этого имелись веские основания, а, во-вторых, дыма и огня было на весь регион. Она никогда не мелочилась в таких вопросах.

– У тебя самой-то как дела? – спросил Ворон, движимый едва ли не родственным чувством.

– Как обычно, – ровным тоном отозвалась Марина. – Я скучная английская домохозяйка – какие у меня могут быть дела?

Ворон лишь хмыкнул, но комментировать не стал. На том и простились. И только убрав трубку в тайник, Мишка вдруг глянул на календарь и вспомнил, что сегодня у Наковальни – день рождения.

Бристоль

Марина сунула телефон в карман и задумалась. Звонок Ворона заставил ее насторожиться – покушение на Беса не могло произойти ни с того ни с сего. Значит, было что-то, о чем она не знала.

«Интересно, Ветка тоже считает, будто это я?» – подумалось ей вдруг. Воспоминания о некогда лучшей подруге положительных эмоций к и без того испорченному настроению не добавили. Ветка, столько лет бывшая рядом, да что рядом – практически в одной постели, – вдруг предала ее. Этот поступок не особенно удивил тогда Марину, давно привыкшую к тому, что рано или поздно даже самые близкие люди оказываются перед выбором, и мало кто способен удержаться от соблазна. Уж даже если родной племянник не постеснялся – что говорить о подруге? И только Хохол, как бы его ни была жизнь, какие бы вопросы перед ним ни ставила, какими бы ни соблазняла чудесами, только он всегда оставался верен ей. Даже в ущерб себе.

«Куда он поехал? Домой? И почему вдруг так взбеленился? Вроде бы я ничего такого не сказала...»

На самом деле Марина прекрасно понимала мотивы поведения Женьки. Ему все тяжелее было сдерживать свои порывы, все труднее мириться с ее тяжелым характером, выносить ее фокусы и причуды. Он становился старше, чув-

ствовал, как и без того весьма зыбкая их связь может вот-вот оборваться. Марина видела его ревность, его не прикрытую уже ничем ненависть к любому мужчине, оказывавшемуся в ее поле зрения, – будь то ее адвокат, управляющий рестораном или просто продавец в магазине. Неуверенность Хохла в себе достигла крайней точки, и Марина старалась давать ему как можно меньше поводов, однако настырный Женька находил их даже там, где, казалось бы, просто невозможно. Она чувствовала, как он из кожи вон лезет ночами в постели, стараясь дать ей все, на что способен, чтобы – не дай бог – Марина не решила, будто он стареет. Все чаще она ловила себя на том, что начала испытывать жалость к нему, а это всегда было плохим признаком. Из жалости у Коваль ничего никогда не рождалось – скорее, умирало.

«А что, если мы просто устали? – думала она, вышагивая по дорожке в сторону выхода из парка. – Может быть, это правда, что нужно иногда отдыхать друг от друга? Может, мне уехать? Просто собраться и уехать ненадолго? На месяц-два – и пусть он один побудет. Но Грег... как я снова объясню ему отъезд? Что я делаю с ребенком, господи? Как я его воспитываю? Я плохая мать...»

Такси остановилось почти моментально, стоило только Марине приподнять руку. Она назвала адрес и откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза. Домой совершенно не хотелось – предстоящий скандал с Хохлом был очевиден, и Марина не могла поручиться, что сдержится и не наговорит ему

обидных вещей. Мысли о покушении на Беса тоже не добавляли оптимизма. Звонок Ворона настораживал – что-то в тоне разговора дало ей понять: Мишка подозревает ее в причастности, и никакие логические доводы его не убеждали. Да, он замолчал – но где гарантии, что поверил? И именно в этот момент позвонила Ветка. Марина долго колебалась, вглядываясь в горевшую на дисплее мобильного надпись, но потом решила все-таки ответить.

– Да, слушаю.

– Мэриэнн, не бросай трубку! – лихорадочно заговорила Ветка. – Я умоляю – только не бросай трубку, мне нужно с тобой поговорить!

– Ну, говори, – Коваль перешла на русский, чтобы водитель не мог понять сути.

– Гришка в больнице, у него огнестрельное в голову! – выпалила Виола, и Марина едва не проговорила, что знает об этом, но вовремя поймала себя – нет, не надо, пусть Ветка говорит. – Прямо в кабинете подловили, в мэрии! Говорят, снайпер был на чердаке жилого дома наискосок...

– Ну, я еще когда сказала, что тот, кто проектировал вашу мэрию, просто идиот, – откликнулась Марина, прекрасно представлявшая себе расположение домов в районе, где возвели администрацию. – Или – как вариант – взял аванс за все предстоящие «заказухи». Там же снайперам «лёжек» – как ласточкам гнезд.

– Прекрати, мне не до смеха! – взмолилась Ветка. – Гриш-

ка в тяжелом состоянии, но, как говорят, выживет, скорее всего.

– Так и хорошо.

– Чего?! Чего, скажи, хорошего?! – взвился голос подружки. – А как жить?! Он же будет лежать бревном! Хорошо еще, если при этом не все рефлексy пропадут, но ведь возможен и другой вариант! А как же я? Мне-то как жить?!

– погоди орать! – негромко пресекла Коваль, и Виола умолкла. – Тебя не поймешь. Не так давно тебе было совершенно все равно, кто из нас с Вороном уберет твоего мужа из твоей жизни. А сейчас – что за паника? Ну, будет лежать, сиделку наймешь – тебе-то что с того? Даже лучше – ты при деньгах, ребенка никто не тронет, сама себе хозяйка – не этого ли ты хотела?

Марина вынула сигарету и зажигалку, вопросительно посмотрела на водителя, и тот, поймав в зеркале заднего вида ее взгляд, согласно кивнул. Коваль закурила и продолжила:

– Так что я не вижу причин для трагедии, дорогая. Все устроилось так, что тебе грех жаловаться. И самой ничего делать не пришлось. Или...?

Ей было слышно, как Ветка хватает ртом воздух, шумно выдыхает – выплевывает его и заходится в крике:

– Да ты что?! Ты меня за кого... за кого?!

– А что тут удивительного? – спокойно поинтересовалась Марина. – Раз ты вела такие разговоры – то почему не могла перейти к действиям? Думаю, с твоими возможностями

и способностями найти того, кто воплотит твои фантазии в жизнь, не такая уж большая проблема.

Эта мысль пришла ей в голову практически сразу после звонка Ворона, и Коваль сейчас искала хотя бы косвенные подтверждения своей догадки. А что – Ветка запросто могла найти кого-то, чтобы убрать Беса, в последнее время обращавшегося с ней не как с женой, а скорее как с проституткой, играющей эту роль за деньги. Но самое главное крылось даже не в этом. Ветка искренне привязалась к приемному сыну Алеше, тяжело больному мальчику, которого они с Бесом усыновили накануне выборов. И вот на эту привязанность и давил Гришка при каждой ссоре, грозясь вышвырнуть Виолу из дома и отлучить от сына. Так что мотив у Виолы имелся...

В трубке повисло молчание, и только порывистый вздох Ветки дал понять Марине, что та еще здесь, а со связью все в порядке. Коваль больше ничего не хотела говорить – теперь очередь подруги опровергать или подтверждать. Но Ветка молчала, как будто ей не хватало слов, и Марина, устав ждать, произнесла:

– Если тебе нечего мне сказать, давай прощаться.

– Ты... ты не могла бы приехать? – вдруг нерешительным тоном прошелестела Ветка.

– Что?

– Ты не могла бы... приехать ко мне? – повторила она. – Я совсем одна, мне страшно... и на меня тоже, кажется, кто-то охотится...

– У тебя полно охраны, дорогая, – автоматически отбилась Марина, подумав про себя, что подозрения, скорее всего, оказались ошибочными – иначе Виола побоялась бы звать ее к себе. Потому что дотошная Коваль непременно докопалась бы до сути.

Ветка вдруг заплакала. Рыдала она долго, отчаянно и как-то совсем обреченно, и Марине в какой-то момент стало жаль ее. Если Ветка непричастна к покушению, то кто поручится за то, что и на нее, в самом-то деле, не ведется охота? Она много знала о делах мужа, а, кроме того, обладая некоторыми способностями, довольно часто «потрошила» Гришку помимо его воли, исподволь выпытывая у того кое-какие подробности. И именно это ее умение могло стать довольно опасным – никто не мог поручиться, что таким же образом Виола не влезала в тайную жизнь и других людей. Марина по себе знала, как она умеет это делать.

– Вета... – уже чуть мягче проговорила Коваль. – Не плачь. Мне кажется, тебе нечего бояться...

– Нечего? – переспросила она и вдруг рассмеялась каким-то странным смехом, напоминавшим смех умалишенной, – ясным, звонким и заливистым: – Конечно, Мэриэнн! Мне ничего не угрожает, ты права! И мой мертвый водитель за рулем машины, и простреленные колеса – нет, конечно, ко мне это не имеет ни малейшего отношения! Меня не было всего час, я как раз к Гришке приехала. Так что ты права! С днем рождения, Мэриэнн... – трубка замолчала.

Коваль отвела ее от уха и недоуменно посмотрела на потухший уже дисплей.

– Однако... – протянула она, до конца еще не осознав всего, что сказала Ветка.

– Мэм, мы приехали, – тактично проговорил водитель, и Коваль очнулась.

– О, простите...

Расплатившись, она вышла из такси и с удивлением обнаружила: света в окнах нет, хотя уже слегка стемнело. Но что потрясло ее еще сильнее, так это собственная реакция на сей факт – она испытала нечто похожее на облегчение. «Его нет дома», – и от этого вдруг стало легко...

– Наверное, мне действительно стоит уехать... – пробормотала Марина, поднимаясь на крыльцо и вставляя ключ в замок.

Хохол просидел в пабе до вечера, но все предложения приятеля-бармена «пропустить стакашку-другую» решительно отверг. Выпить хотелось, но он боялся последствий. Боялся момента возвращения домой. Он знал, что, увидев Марину, может не сдержаться и дать волю разрывавшей его душу боли. Конечно, Коваль не удивилась бы, молча стерпела бы любые побои – но что потом? Потом, как всегда, ему было бы стыдно и невозможно поднять глаза, взглянуть ей в лицо, встретиться взглядом, уловить презрение и жалость. Да, вот это было хуже всего – жалость во взгляде

Марины. Она жалела его – сильного мужика, опустившегося до слабости ударить женщину. Потом ему придется вымаливать прощение – не потому, что она будет непреклонна, а потому, что так уж повелось, и он сам установил такие правила игры. Сегодня же Хохол просто не был готов следовать привычному сценарию.

На плечо легла женская рука, и он обернулся, окинул взглядом невысокую плотную деваху с простоватым личиком и круглыми карими глазами. Весь ее вид недвусмысленно свидетельствовал о роде занятий, но Женька даже помыслить не мог о том, чтобы клянуть на зазывный взгляд. Он отрицательно покачал головой, и девица отошла, бормотнув что-то по-английски. «Послала, наверное», – отрешенно подумал Хохол и полез в карман, желая рассчитаться за кофе, которого успел выпить огромное количество. Бармен отсчитал нужную сумму и не взял чаевых – как, впрочем, и всегда. Он считал, что «обдирать» соотечественника, пусть и бывшего, дело последнее.

– Тут и без тебя есть, кому на чай отвалить, так что не парься, – пояснил он свой отказ как-то раньше, и теперь Хохол уже не удивлялся, хотя автоматически выкладывал на стойку сумму, превышавшую счет.

Уже стемнело, зажглись фонари, а на припаркованном у паба джипе тонким покрывалом лег снег. Хохол вынул щетку и смахнул белую пыльцу с лобового стекла. Нужно было ехать домой, но внутри все тоскливо ныло и сопротивлялось.

«Как же так? — думал Женька, положив голову на скрепленные на руле руки. — Как мы допустили такое? Я же чувствую, и она не хочет меня видеть, раздражается, нервничает. С какого момента все пошло не так? Когда мы вдруг успели настолько отдалиться друг от друга? Ведь я люблю ее... Я никого не любил так, как ее, ни с кем не был так близок. Почему она не видит? Или это все-таки я виноват? Может быть, нельзя так распластываться? Нужно включать мужика и орать, настаивая на своем? Но не с ней, не с Маринкой. С кем угодно — а с ней нельзя. Где и когда я ошибся?»

Время неумолимо приближалось к одиннадцати, нужно было ехать домой, и Хохол, тяжело вздохнув, повернул ключ в замке зажигания.

Урал

Виола сидела в мягком кресле, забравшись с ногами и укутавшись в белый вязаный плед. На столике перед ней стояла бутылка водки и рюмка, на блюдах – кое-как нарезанный огурец и соленые грузди, чуть сбрызнутые сметаной. В пепельнице дымилась сигара.

Мысли роились в голове, но что-то главное так и ускользало, и от этого Виола злилась. Она никак не могла ухватить суть, перебирая в памяти фразу за фразой из своего разговора с Коваль. Она так и не могла понять, всерьез ли Марина подозревала ее в том, что это с ее подачи Бес лежит теперь в реанимации, или это просто была обычная чуть насмешливая манера Коваль разговаривать и одновременно прошупывать почву. Но Виола признавала: сама дала подруге повод считать так. Кто дернул ее за язык тогда, чуть более полугода назад, во время их последней встречи? Зачем она попыталась втянуть Марину в свои разборки с мужем? Ведь знала – Коваль никогда не станет делать того, что не посчитает оправданным.

Виола налила очередную порцию водки и опрокинула в рот. В последнее время крепкое спиртное совершенно «не забирало», и она никак не могла определить причину. Хорошо, что сын до сих пор в реабилитационном центре, он хотя бы не видит, в каком состоянии находится мать. Ветка

стыдилась выпивать при ребенке – все-таки Алешка уже не был малышом, все понимал, и потому видеть в его глазах недетскую тревогу и тоску становилось просто невыносимо. Она скрыла от него случившееся с Бесом – к чему и без того нездоровому мальчику такое потрясение?

Виола вдруг почувствовала такое отчаянное одиночество, от которого невозможно было спрятаться куда-то. Ей был необходим близкий человек рядом, и этим человеком могла стать только Марина. Марина, которую она предала в пьяном бреду, пытаясь спасти собственную шкурку. К ее удивлению, Коваль отреагировала на это совершенно нехарактерно для себя. Просто отрезала все общение – и не больше.

И вот сегодня Ветка набралась храбрости... Да что там храбрости, у нее просто не осталось иного выхода, и именно отчаяние и одиночество заставили ее позвонить Марине даже с риском, что та не ответит. Но Коваль сняла трубку и поговорила с ней, и теперь у Виолы зашевелилась надежда: а вдруг подруга не бросит ее, приедет, поможет. Теперь Коваль уж совсем нечего опасаться – внешность ее абсолютно далека от того, что, возможно, кто-то мог еще вспомнить, а тех, кто знал ее в новом образе, всего двое – она, Ветка, и Мишка Ворон, который уж точно не продаст свою «напарницу». Телохранитель Никита, бывший в курсе, погиб, а Гена уехал в Англию и живет теперь недалеко от Хохла и Коваль. Гришка же в коме, но даже если бы это было не так – он ни за что не узнал бы свою родственницу.

– Хотя бы ты приехала, дорогая... – прошептала Ветка, слизывая слезы с губ. – Ты так нужна мне...

Она встала, не заметив, как белый плед упал на пол, и, пошатываясь, пошла в кабинет Беса. Усевшись за компьютер, ввела пароль в свой почтовый ящик и тут же получила оповещение о новом письме. Адрес оказался незнаком, но у Виолы даже не шевельнулась мысль о том, что такие письма могут содержать все что угодно. Щелкнув «открыть», она в испуге отпрянула – на экране возникла ее собственная фотография с выколотыми глазами и пририсованной веревкой на шее...

Бристоль

Марина лежала в темной спальне и смотрела в потолок. Вечер она провела с Грегори – мальчик, хоть и расстроился, заметив отсутствие Женьки за ужином, вида все-таки не подал, стараясь не портить матери день рождения. Они поужинали вдвоем, потом Марина проверила домашнее задание, с удовольствием выслушала рассказ сына о том, как прошел день в школе, вместе с Грегом убрала кухню и загрузила посуду в машину. Обычно такие хозяйственные мелочи ложились на плечи ее мужчин – те старались оградить Марину от бытовых забот, но сегодня Хохла не было, а Грегу хотелось материнского внимания. Коваль видела, как мальчик сдерживается, чтобы не задать вопрос об отсутствии Женьки, и была благодарна сыну за тактичность.

– Мамуля, ты сегодня такая красивая, – обнимая ее за талию, проговорил сын.

– Только сегодня? – усмехнулась она, поглаживая его по темно-русый волосам.

– Нет, ты всегда красивая. Просто... я не мог привыкнуть к тому, что у тебя лицо теперь совсем другое... – признался Грегори, глядя ей в глаза. – Мне иногда было даже страшно-вато – голос твой, а лицо-то совсем чужое. Но потом я привык.

Коваль с трудом подавила покаянный вздох – сколько

же пришлось вынести ребенку, к каким недетским выводам прийти, что пережить. А она уже опять думает о том, как бы уехать. И как объяснить ему причину?

– Мам, а где папа? – все-таки не выдержал Грегори, и Марина вздрогнула.

– Не знаю. Наверное, у него дела какие-то.

– Дела? В твой день рождения? – враждебно переспросил сын. – А ты из-за него лицо переделала! Из-за него! А он даже в твой день рождения – дела, дела!

– Грег! – предостерегающе проговорила Марина. – Я тебя просила.

– Да, просила. Извини, мамуля, – и он вдруг уткнулся лицом ей в живот, стараясь не показать, что вот-вот заплачет.

Внезапно Грегори резко оттолкнулся от нее и бросился бежать из кухни. Марина не сделала попытки догнать или вернуть сына – понимала: ему необходимо поплакать, а сделать это при ней он ни за что себе не позволит.

Когда через полчаса она поднялась в комнату Грега, чтобы пожелать ему спокойной ночи, то наткнулась на висящую табличку: «Не беспокоить» и дорожный знак «Въезд запрещен». В их семье было принято уважать право другого на собственное пространство и на уединение в нем, потому Марина не стала стучать или входить. Но на сердце стало совсем уж паршиво...

Сейчас она лежала в постели и напряженно перебирала в

голове все мозаичные кусочки сегодняшнего дня. Нет, Коваль не ждала праздника – собственные дни рождения она уже давно предпочла бы не отмечать, но Хохол настаивал. Но и подобного отношения от него, в общем-то, тоже не хотела. Марина понимала и признавала собственную вину в размолвке – уж что-что, а чувство справедливости ей не изменяло, когда дело касалось Женьки. Не стоило снова давить ему на больную мозоль и разговаривать свысока. Но ведь и он, по сути, вспылил из-за пустяка. Возможно, просто искал повода... И вот эта мысль была самой неприятной.

Его шаги она услышала сразу, едва только он ступил на первую ступеньку лестницы, и напряглась, внезапно разозлившись на себя за это ощущение: «Веду себя как баба, которую лупит пьяный муж!» Хотя – да, лупил, но Коваль никогда не воспринимала это всерьез – просто потому, что видела – он делает это от бессилия, унижает себя, топчет, потом раскаивается и казнится еще сильнее.

Хохол возник в дверях – высокий, широкоплечий, с коротким «ежилом» выбеленных волос. Марина села, прислонившись к спинке кровати, но свет так и не зажгла, хотя шнурок бра висел над ее плечом. Женька стоял в дверном проеме, точно не мог решить – войти или нет. Оба молчали.

– Мне уйти? – не выдержал Хохол.

– Это и твой дом тоже, – негромко отозвалась Марина, обхватив себя за плечи.

– То есть тебе все равно – уйду я или останусь? – уточнил

он.

– Угадал.

Хохол оттолкнулся от косяка и шагнул к кровати, сел на край и ссутулился вмиг, как будто сбросил тяжелый груз и неимоверно устал. Протянув руку, он ухватил Марину за запястье и дернул к себе.

– Хорошо, что я всегда угадываю, чего именно ты хочешь... На колени, сука, быстро!

Коваль, прокатившись по шелковой простыне, упала на пол и медленно поднялась на колени. Свободной рукой Хохол сгреб ее за волосы и притянул голову к поясу джинсов.

– Что замерла? Забыла, как бывает?

Она не забыла... в чем и убедила его буквально через пару минут, когда Женька, уже стократ пожалевший о своей вспышке ярости, хрипел, запрокинув назад голову.

– Да-а... су-у-ука-а-а... я же люблю... люблю тебя...

Коваль выпустила его и молча легла на кровать, отвернувшись к окну. Хохол со стоном упал рядом, тяжело дыша и отфыркиваясь.

– Котенок... прости меня, любимая, – он погладил ее по спине, но Марина осталась неподвижной и все так же молчала. – Мариш... ну, что ты, родная? Я обидел тебя? Ты же любишь такое... Ну, прости, переиграл...

Она внезапно резко села, испугав Женьку такой прытью.

– Ты не часто стал переигрывать? Хренов актер одной хреновой роли!

Хохол не мог понять, что происходит. В последнее время не так уж часто он позволял себе подобные выходки, которые – и он прекрасно знал это – заводили и саму Марину. Так что сейчас она была несправедлива.

– Мариш... да что я не так сделал-то?

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами и тяжело дышала. Даже себе Марина не могла сейчас объяснить вспышку гнева – все было, как обычно, даже лучше, и грубость Хохла – не показная, а настоящая, животная, такая, как ей нравилась, – была искренней, а потому особенно острой. Но что-то в ее голове не давало расслабиться и получить удовольствие от произошедшего, продолжить начатую игру, довести ее до финала. Что-то вдруг с треском сломалось в идеальном механизме под названием «Коваль».

Она обхватила колени руками и уткнулась в них лбом. Женька, совершенно обескураженный ее вспышкой ярости и странным поведением, приподнялся и обнял ее за плечи, привлек к себе, легко преодолев сопротивление:

– Ну, что с тобой, котенок? Плохо тебе?

Марина вдруг всхлипнула, развернулась и обхватила его руками за шею.

– Женька... Женечка, ну, что мне делать? Что делать, скажи? Это не мне плохо – это тебе плохо со мной.

– Да, потому-то я и живу с тобой столько лет – что так мне плохо, – усаживая Марину к себе на колени и крепко прижимая к себе, усмехнулся Хохол. – Ну, что ты маешься

опять, девочка моя? Что тебя так жрет?

Она подняла глаза и сказала медленно и четко:

– Мы с тобой сейчас, как два поезда на разъезде – стоим до сигнала диспетчера. Как велит – так и поедem, можем в одну сторону, а можем – в разные. Неужели ты не чувствуешь?

Хохол растерялся. Ему показалось, кровать под ним пошатнулась и вот-вот упадет. Он крепче прижал Марину к себе, как будто боялся, что она вдруг исчезнет, и пробормотал:

– Ты... что говоришь-то, а? Слышишь себя?

– Слышу. А разве ты не думаешь так? Разве ты сегодня не явился домой только к ночи потому, что готов был где угодно болтаться, только меня не видеть? Вот не ври сейчас и не говори того, что, по-твоему, я хотела бы услышать. Скажи так, как есть.

Женька понял вдруг – шутки кончились. Марина завела этот разговор неспроста, за ним непременно что-то кроется. И дело вовсе не в его насилии над ней...

Захотелось закурить, но он боялся отпустить ее, боялся, что больше уже не сможет удержать рядом, потеряет навсегда.

– Маринка... – хрипло вывернул он. – Что ж ты со мной делаешь-то? Зачем? Я жить не могу без тебя, я душу готов прозакладывать – а ты...

– А я хотя бы раз в жизни хочу поговорить честно. У меня, наверное, просто кризис какой-то. Ты думаешь, я тебя не люблю? Люблю. И ты это знаешь. Но, Женька, понимаешь,

что-то не так идет, – Марина развернулась и села лицом к Хохлу. Тот машинально подхватил ее под спину, как делал во время занятий любовью, но потом опомнился и помрачнел. – Ну, не так! Не так, как раньше было. Может, мы просто стали старше...

– Маринка, тормози, я прошу тебя! – взмолился Хохол, но она упрямо продолжала:

– Неужели ты не понимаешь? Ну, как ты не чувствуешь? Я же просто в голос кричу – удержи меня рядом, не отпускай, сделай что-то! Так сделай, чтобы я только тебя видела, только тебя – чтобы все вокруг исчезло. Это только от тебя зависит!

Она вырвалась из его рук и отошла к окну, отдернула тонкую занавеску и взяла с подоконника пачку сигарет. Закурив, открыла форточку и впустила в комнату холодный воздух. Занавеска мгновенно надулась парусом, окутав Коваль, как плащом.

– Вот в этот момент все решится, сейчас – ни позже, ни раньше, – ровным голосом проговорила Марина, стоя спиной к замершему на краю кровати Хохлу. – И от твоего слова зависит, как все пойдет. Я хочу, чтобы ты был мужиком и сам решил. Я уйду или останусь. Как скажешь.

Она замолчала, но кожей чувствовала напряжение, охватившее Хохла, почти физически ощущала боль, которую причинила ему словами. И ей самой было больно от них, но тянуть дальше – Марина чувствовала это – уже невозможно.

Ей было немного совестно только за одну маленькую деталь – она ничего не сказала Хохлу о звонке Ветки. Собственно, как и о звонке Ворона тоже. Возможно, и разговор этот она, сама того до конца еще не осознав и не признав, затеяла как раз для того, чтобы иметь повод уехать в Россию.

Хохол медленно поднялся с кровати и пошел к выходу. В дверях задержался и вдруг с размаху ударил кулаком в наличник двери. Раздался треск, и деревянная пластина развалилась, отскочив от стены. Марина вздрогнула, но осталась на месте, а Хохол, мельком взглянув на разбитые костяшки пальцев, ушел вниз.

Марина не могла уснуть, то ложилась, укрывшись с головой одеялом, то снова вставала и шла к окну, закуривала очередную сигарету и всматривалась в зимние сумерки, как будто надеялась увидеть там свое будущее. Хохол находился где-то в доме, но его не было слышно – не работал телевизор в гостиной, никто не ходил, не издавал никаких звуков. Марина чувствовала, как ноет сердце, как оно напряженно бьется в груди и не дает возможности лечь и уснуть. Да и сна не было. Стоило закрыть глаза, как тут же, словно на экране, возникали образы прошлого. Хохол, тогда еще довольно молодой, сильный и звероподобный, сидит на корточках у бассейна, в котором плавает обнаженная по пояс Марина. Вот она выпрыгивает из воды, хватается за его мощную шею и опрокидывает в бассейн. Женька, отфыркиваясь, старает-

ся удержать ее – и боится прикоснуться, потому что – нельзя, это тело принадлежит Егору Малышеву, только он имеет право. И кто такой Жека Хохол – простой охранник «смотрящего» Сереги Строгача, и не по чину ему прикасаться к самой Наковальне. А она провоцирует, дразнит – и добивается своего, и вот они уже в ее номере, и Хохол совсем потерял страх, голову и инстинкт самосохранения – он упивается каждым прикосновением, каждым вздохом этой женщины, покорно изгибающейся в его ручищах, выполняющей все, что только подсказывает ему фантазия. Марина и сейчас помнила ту их первую ночь вместе, когда к утру не могла пошевелиться, не могла разговаривать, ничего больше не хотела. Но именно в тот момент она ухитрилась забрать Хохла целиком в свои руки, подчинить его себе, сделать ручной домашней собачонкой. И именно это потом помогло ей выжить – потому что Женька уже не мог помыслить жизни без нее, не мог позволить пьяному Строгачу прикоснуться к ней, не мог спокойно вытерпеть оскорбления его чувства к этой женщине. Он сделал немыслимое – привезя ее домой, опустился на колени перед Малышом и просил только одного – позволить быть рядом с Мариной. Егор согласился – и потом, вероятно, сто раз пожалел об этом, хотя ни разу не сказал вслух. Женька лез вон из кожи, чтобы с ней ничего не случилось, прикрывал собой, прятал, увозил, покорно ждал, когда она уезжала к любовнику – кто еще способен был вынести такие издевательства? Он любил ее – и только этим

объяснял все. А она сейчас предавала его любовь, малодушно устроив скандал на ровном месте.

Собственная черствость давно уже не приводила Марину в ужас – она привыкла к себе, такой, и спокойно жила в ладу с собой. Но именно сейчас почему-то стало очень обидно за Хохла, вынужденного стать единственной жертвой тяжелого Маринино характера и чудовищного эгоцентризма и эгоизма.

Она накинула халат и пошла вниз. Обычно во время ссор Женька уединялся в маленькой комнатке под лестницей – там стоял диван и небольшое кресло. Егор, когда проектировал дом, планировал эту комнатку как место, где может оставлять свои вещи домработница. Но Сара не жила здесь, приходила раз в два дня, а потому ей комната не была нужна. Женька же и раньше, в России, уединялся в подобном помещении, когда был уже не в состоянии видеть Марину и сносить ее капризы. Так было и сегодня. Из-под двери в коридор пробивалась узкая полоска тусклого света от небольшого бра над диваном. Марина постучала и, не дождавшись ответа, толкнула дверь, и вошла. Хохол полулежал на диване, закинув руки за голову. На полу красовалась полная окурков пепельница, небольшое окошко почти под самым потолком было открыто, и в комнатке стоял невыносимый холод, но Женька этого не замечал. Он смотрел в потолок и не переменял позы при появлении Марины. Она прошла к дивану, села на край и положила узкую ладонь на обнаженную грудь

мужа, покрытую татуировкой и шрамами от ранений.

– Женя...

– Зачем пришла? – не меняя позы и не глядя на Коваль, хрипло спросил Хохол.

– Я...

– Ты поставила мне условие – ну, так теперь жди, что я решу. И не бегай сюда, не тереби меня.

– Ты меня гонишь?

– Нет. Это ты гонишь – и не меня, не себя. Просто гонишь – и все. Даже не думая, какую боль причиняют твои слова кому-то. Мне, например. Что тебе опять неладно, Коваль? Чем я на этот раз не угодил? Отодрал не так? Ну, скажи – исправим.

Марина вспыхнула, хотела размахнуться и дать ему пощечину, но потом вдруг осеклась, поняв: на этот раз может получить в ответ. Что-то в тоне Хохла ясно об этом сказало...

– Женя... зачем ты так? Разве дело в этом? – она спрятала лицо на его груди и обхватила мощный торс руками. – Мне трудно, понимаешь? Я не понимаю, чего хочу, как жить дальше. А ты вместо помощи устраиваешь мне игры в молчанку.

– А я не психоаналитик. Я – зэк бывший, мне ваши душевные тонкости до одного места, – ровным голосом проговорил он. – Ты для себя реши – нужен тебе кто-то или нет. А то я вот вижу, что мы с Грегом тебе только обуза, помеха. Вот и рвешься ты на части – вроде как надо быть женой и

матерью, а душа-то другого просит.

– Ты что говоришь-то?! Как можешь?!

– А вот как вижу, так и говорю. Что – не по вкусу? Не-ет, ты уж послушай, дорогая, сама хотела.

Хохол сел, придерживая, однако, Коваль, чтобы не соскользнула, не расцепила руки, устроил ее у себя на коленях, набросил на спину плед и продолжил:

– Ты несколько лет старалась играть роль, которая тебе не по характеру, Маринка. Это как жить в коже чужого размера – или съежиться до нужного, или распрямиться и разорвать. Ну, ты съежиться не умеешь, стать не та – вот и разрываешь, потому что терпеть тесноту уже сил нет. Ну, другая ты, не такая, как все – что ж мне тебя за это – убить? Не умеешь ты быть женой, матерью – хотя и неплохо у тебя это выходит, чего уж. Но тебе самой в этом некомфортно, тяжело. Ты мучаешься, нас мучаешь. Всем плохо. Ну, что я должен сделать, как решить? Иди, поживи одна. Без нас. Тебе так будет легче.

Марина отпрянула от него, оттолкнулась руками от груди.

– Ты что?!

– А что? – спокойно переспросил Хохол. – Не нравится? Ты ж этого хотела – свободы. Так на, бери. Пользуйся.

– А... вы? Ты, Грег?

– А мы не пропадем. Ты просто знай, мы у тебя всегда есть и будем. И если тебе станет немого – у тебя есть дом, куда ты можешь вернуться и где тебя всегда будут ждать. Всегда.

И я, и Грег.

Марина заплакала. Она не могла понять, что происходит с ней, почему она так упорно стремится остаться одна, зачем ей это одиночество. И в чем виноваты муж и сын. У нее не было людей ближе, чем Женька и Грег, но даже их она ухитрялась обижать и отталкивать. Ладно, Хохол – мужик, он поймет, уже понял – но Грег? Как объяснить ребенку эти вот материнские «терзания» и поиски себя? Как он воспримет очередной отъезд? Все это давило на Марину с такой силой, что ей казалось – еще минута, и она просто расплющится от этого невыносимого давления. И вот это христианское всепрощение и понимание Хохла оказалось дополнительным источником давления. Лучше бы он кричал, бешовался или ударил ее – чем вот этот ровный тон, простые и доходчивые фразы и готовность сидеть и ждать, когда же неугомонная супруга наиграется и вернется домой. Лучше бы он ударил ее, чем это...

– Ну, что ты себе так сердце рвешь, скажи? – поглаживая ее по голове, проговорил Женька. – Разве я тебя в чем-то обвиняю? Нет же. Ты просто другая, котенок, не можешь ты просто жить, не умеешь. Тебе трудно. А я хочу, чтобы было легко. Всю жизнь свою стремлюсь к тому, чтобы тебе было хорошо – а выходит, не сумел. И ты мучаешься рядом со мной. Знаешь, Маринка... если хочешь, давай разведемся.

И вот тут она не сумела уже сдержаться, ударила его по щеке, не думая о последствиях. Своими словами Хохол оби-

дел ее, позволил себе усомниться в том, что она по-прежнему его жена.

– Сволочь! – зашипела она ему в лицо. – Какая же ты сволочь, Хохол! Когда я выходила за тебя, то сказала – это на всю жизнь, навсегда – и носить я буду твою фамилию потому, что хочу этого, а не потому, что «так положено»!

Она хотела встать и уйти, но он не дал, рванул к себе, резко развернувшись на диване и подминая Марину под себя.

– Куда наладилась?! Не хочешь развода – не будет его. Но ты все равно попробуй пожить без нас. Я никуда не денусь, всегда буду ждать тебя, ты это знаешь. Нет у меня никого – и это тебе тоже известно. Только ты... всю мою жизнь – одна ты.

– Тогда зачем ты меня гонишь? Не боишься, что уйду? – она лежала под его тяжелым телом и не делала попыток освободиться – почему-то именно сейчас ее охватило чувство полной защищенности и уверенности в завтрашнем дне. Дне, который ей не придется проживать без Хохла.

– Боюсь. И ты, скорее всего, уйдешь. И даже воспользуешься свободой и попробуешь что-то на стороне. Но потом ты вернешься ко мне, – сказал Хохол со спокойной уверенностью, у Марины даже дыхание перехватило.

– И ты что же?..

– Я буду ждать.

Урал

Шок, вызванный фотографией, прошел, и Виола смогла относительно нормально соображать. Как в воду смотрела, когда говорила Марине о том, что и на нее началась охота. Сперва застреленный водитель и пробитые колеса машины, теперь вот это.

Начальник городской милиции Гришук днем приехал к зданию больницы лично, осмотрел пулевое отверстие в лобовом стекле, долго сидел на корточках около пробитого колеса, ковыряя что-то ногтем, потом, отряхнув руки, пробормотал:

– Дела, однако... – и, поднявшись, обернулся к нервно курившей неподалеку Ветке. – Виола Викторовна, а сами думаете на кого-то?

Она только передернула худыми плечиками – на кого ей было думать? У Гришки множество врагов и просто недоброжелателей, на одно составление их списка ушла бы пара месяцев.

– А ему никто не угрожал в последнее время? – продолжал Гришук, пристально вглядываясь в ее лицо, но Ветка была начеку и смотрела равнодушно и безучастно.

Она снова ответила лишь неопределенным движением головы. Не могла ведь она рассказать Гришуку о том, как и при помощи чего Мишка Ворон аккуратно продавливал че-

рез Беса свои интересы. Виола могла голову прозакладывать, что Ворон не «заказывал» ее мужа – какой смысл? Бес живой стоил куда дороже, чем Бес мертвый, а Ворон был не из дураков. Зачем рушить долгосрочные планы? С помощью компромата он мог вить из Гришки веревки весь его мэрский срок, наблюдая за тем, как тот бесится и ничего не может поделать с шантажистом, потому что есть еще и Наковальня со второй порцией бумаг. Про эту самую «вторую порцию» Ветка узнала из случайно подслушанного разговора мужа с тем же Вороном, а уж выводы сделала самостоятельно. Много ума не нужно... Говорить же об этом Грищуку точно не стоило – это значило бы навлечь на свою голову гнев Ворона. И – как следствие – Маринкин тоже. А Коваль ей сейчас была нужна, как никто.

– Мне некогда думать об этом, – выдавила она, глядя на Грищука. – Видите же, что творится. Я не знаю, что мне делать... ребенок в больнице, муж в реанимации, вокруг меня – непонятно что... до загадок ли мне сейчас?

– Охрану мы вам обеспечить не сможем.

– А я разве об этом просила? – но про себя Ветка отметила – а ведь врет, мог бы по старой памяти и по долгу службы выделить человечка. Но она бы все равно отказалась – если придет Марина, им ни к чему свидетели. Ей вполне хватит тех охранников, которые есть сейчас, и это проверенные ребята.

– Нет, но...

– Вот на том и разойдемся, – отрезала Виола. – Я прекрасно понимаю: искать того, кто прострелил голову моего водителя, вы не станете – так и повиснет дело «глухарем». А если повезет поймать кого-то причастного к покушению на Григория, то вы ему и навесите дополнительно еще и водителя. Все просто, Виктор Дмитриевич.

Гришук покраснел и тихим злым голосом проговорил так, чтобы больше его никто не слышал:

– Не зарывалась бы ты, красавица. А то некому заступиться будет – одна ты сейчас.

Развернувшись, он отошел к милицейским машинам, в изобилии припаркованным вокруг пострадавшей машины Виолы.

Ветку не удивили его тон и слова. Она сказала правду, хоть и зря это сделала, и Гришук, уязвленный прямоотой, не смог сдержать эмоции. Разумеется, дальше слов не зайдет, но все равно приятного мало.

За ней вскоре приехали на другой машине Кирилл и Сания, новый водитель Беса и молодой телохранитель, рекомендованный Ветке Геной перед отъездом. Она очень расстроилась, узнав, что он собирается уезжать, но понимала – так надо, иначе Гришка, докопавшись до того, кто помогал Наковальне, непременно отомстит однорукому телохранителю. И вот, уезжая, Гена порекомендовал Саню – коренастого, широкоплечего блондина с огромными карими глазами и тонким хищным носом. К очевидным достоинствам нового

охранника относилось еще и умение одинаково хорошо владеть левой и правой руками. Но и это было не все. Саня был единственным из всей охраны, кто мастерски умел ставить блок против хитроумных попыток хозяйки влезть в его голову. Таким умением на ее памяти обладала только Марина.

Сегодня Саня остался ночевать, хотя обычно уезжал в город. Но Ветка, словно предчувствуя что-то, попросила его остаться, и Саня согласился.

Она дотянулась до телефона и набрала его номер, попросила прийти к ней и подняться сразу в кабинет мужа.

Охранник появился через десять минут «при параде», и Ветка удивленно воззрилась на черный костюм и ослепительно-белую рубашку.

– Я не поняла... это твой домашний прикид?

– Я на работе.

– Саша, на работе ты до тех пор, пока я куда-то собираюсь. А сейчас ты просто выполняешь мою просьбу и ночуешь здесь, чтобы я не была одна в пустом доме, – терпеливо пояснила Виола.

– Если вы настаиваете, я схожу и переоденусь.

– Да, так будет лучше. Я хотела попросить тебя растопить камин, думаю, в строгом костюме это неудобно.

Ветка потянулась к бутылке, которую предусмотрительно захватила с собой, но Саня перехватил ее руку.

– Не нужно, Виола Викторовна.

– Что – не любишь пьяных женщин? – ухмыльнулась она.

– Я не думаю, что вам это поможет.

Он решительно забрал бутылку и ушел, а Ветка, хмыкнув, закурила сигарку. Она вовсе не собиралась заводить шашни с новым телохранителем, ей просто необходим был живой человек в доме, кто-то, с кем она сможет поговорить, сидя перед камином. Она очень устала быть одна.

Оглядев себя, Ветка вдруг почувствовала, что одета неподобающе – полупрозрачный пеньюар на тонкую рубашку, и это показалось ей вызывающим. Поскольку соблазнять Санию она не планировала, то решила переодеться в джинсы и футболку.

Они встретились в каминной. Телохранитель умело разжигал огонь, сидя на корточках перед камином. Виола вошла и остановилась у большого кресла, облокотилась на его спинку.

– Я не слышала, как ты вернулся.

Саня поднял голову.

– Только что. Хотите, я чай заварю?

– Хочу.

Он ушел в кухню, а Ветка уселась в кресло, вытянув ноги на небольшой пуфик. Из головы не шла жуткая фотография, и Ветка решила обсудить это с телохранителем – вдруг он что-то посоветует. В конце концов, это ведь его прямая обязанность – обеспечивать ее безопасность. И она тоже должна доверять ему.

Ветка вдруг вспомнила, какие отношения всегда склады-

вались с охраной у Коваль. Любой из ее телохранителей готов был ради нее на что угодно. Даже если не принимать во внимание влюбленного до куриной слепоты Хохла – и Макс, и Гена с Севой, во-первых, знали о своей хозяйке все, а, во-вторых, умело использовали эти знания, чтобы помочь ей выпутаться из различных ситуаций. Макс с Севой погибли, Генка лишился кисти – но никто из них не стал причиной неприятностей Марины.

– Возможно, мне тоже стоит попробовать, – пробормотала Виола.

Она вернулась в кабинет и распечатала полученный по почте снимок. Мельком взглянув на него еще раз, Ветка передернулась. Обладая кое-какими способностями, она в свое время успешно пудрила мозги людям, работая «потомственной ведьмой», и что означает такой вот снимок, знала прекрасно. Смерть. Даже если откинуть все предрассудки – все равно мороз по коже.

Она спустилась вниз и обнаружила Саню, сидевшего в кресле перед камином. На небольшом столике красовался чайник, две чашки на блюдцах, пепельница и сахар в вазочке.

– Я уж думал, вы спать ушли, – вставая при виде хозяйки, проговорил телохранитель.

– Нет, что ты... я поговорить хотела – какой тут сон.

Виола опустила во второе кресло и протянула Сане лист с распечаткой.

– Откуда это у вас? – внимательно разглядывая картинку, спросил телохранитель.

– Пришло сегодня по электронке.

– Оригинал письма есть?

– Да, я ничего не удаляла. Но если ты адрес хочешь – там какая-то абракадабра, – вздохнула Ветка.

– Я хочу ай-пи, хотя, скорее всего, мне это ничего не даст.

– Почему?

– Потому что, будь я на месте того, кто это отправил, точно не стал бы делать это со своего компьютера, а пошел бы в какой-нибудь интернет-клуб, бар или кафе, – заключил Саня. – Но проверить не мешает, мало ли. Правда, не похоже, чтобы это был дилетант какой-то.

– Я не могу понять, – обхватив себя руками за плечи, пробормотала Ветка, – не могу понять – я-то кому понадобится? Это уже явно никак не связано с Гришкиным мэрством... это, скорее, какие-то старые дела...

– Старые дела? – переспросил телохранитель, и Ветка поняла: ей придется сказать Сане правду о прошлом Гришки.

– Это долгая история... но, боюсь, мне придется рассказать, а тебе – выслушать. Ночь будет длинная, Саня...

Бристоль

Она не смогла уйти из этой маленькой комнатушки. Сама мысль о том, что сейчас придется лечь одной на широкую кровать в спальне, оказалась невыносима. Здесь же, на узком диване, в объятиях Женьки, Марина чувствовала себя совершенно спокойно и защищенно. Ничего не могло быть надежнее этих искалеченных рук, бережно прижимавших ее к груди, украшенной вязью татуировок. Марина вдыхала родной запах и успокаивалась, дышала ровнее. Женькино присутствие всегда делало ее жизнь упорядоченной, наполненной каким-то смыслом. За годы, проведенные вне России, она привыкла к мысли, что никого ближе Хохла у нее нет и уже не будет. И сегодняшний разговор только утвердил ее в этом. Женька, оказывается, все прекрасно видел и понимал, а, самое главное, не осуждал ее метаний и готов был мириться с ними и ждать. Это удивило Марину сильнее всего – вспыльчивый Хохол готов был смиренно ждать, пока она разберется в себе и примет решение. Это оказалось неожиданно и так странно...

Прежний Жека сгреб бы ее за волосы, отходил ремнем или чем под руку попадется, потом бы долго заглаживал вину в постели. Этот же новый Хохол оказался эталоном всепрощения и смирения, и вот как раз это и было странно.

– Жень... – пробормотала она, уткнувшись лицом в его

грудь. — А вот скажи... ты на самом деле будешь меня ждать?

— А у меня есть выбор? — негромко откликнулся он и потянулся за сигаретами.

— Выбор есть всегда.

— Только не в моем случае, котенок. Я увяз в тебе так, что даже если захочу, не смогу выбраться.

Он закурил, одной рукой по-прежнему поддерживая Коваль под спину. Табачный дым зашекотал ноздри, и Марина, задрав голову, попросила:

— Давай покурим, как раньше.

Хохол усмехнулся, набрал в рот дыма и приник к ее губам, выдыхая. Вбирая дым легкими, Марина почувствовала головокружение и одновременно легкость во всем теле — так курить сигареты ее научил когда-то давно Федор Волошин, человек, пробывший рядом с ней так мало, но значивший для нее так много. А потом и Женька, когда ей было категорически нельзя, а курить хотелось, запирали дверь палаты и вот так дышал табачным дымом ей в рот, преследуя еще одну цель — прикоснуться к губам, поцеловать. В то время она была чужой женой, а он — всего лишь телохранителем, приставленным к ней для того, чтобы носить на руках после ранения в позвоночник. Но в их жизни уже была та поездка в Египет, были сумасшедшие ночи вдвоем, были трупы Строгача и Азамата... Коваль не привыкла отказывать себе в чем-то, вот и не отказывала, а Хохол был рад и тем крохам, что перепали ему.

– Ну, отпустило? – чуть насмешливо спросил Женька, когда Марина открыла глаза и обрела способность соображать.

– Да...

– Наказание ты, Коваль, – вдруг сказал Хохол серьезно. – Пожизненный срок.

– «Я на тебе, как на войне»? – ехидно осведомилась она строкой из популярной песни, и он кивнул.

– Типа того.

– А сбежать?

– Куда? От себя не убежишь. И вообще – давай спать, что ли?

– Можно, я останусь здесь? – попросила Марина, прижимаясь к нему. – Я ведь понимаю, сейчас ты из принципа не пойдешь в спальню – ты всегда так делал. Но я не могу остаться одна. Пожалуйста...

– Говорю же – пожизненный срок, – хмыкнул Хохол, ложась на бок и поворачивая Коваль спиной к себе. – Оставайся.

Утром он проснулся первым. Затекла шея от неудобной позы, ныл весь бок и рука, на которой всю ночь спала Марина. Но даже сейчас он боялся вытащить эту руку, чтобы не потревожить ровного сна любимой женщины. Хохол вглядывался в ее лицо, такое спокойное и безмятежное, к которому уже почти привык, видел чуть приоткрытые призывно губы, тонкие крылья носа, смеженные длинные ресницы

и не мог удержаться. Осторожно, чтобы не сразу разбудить ее, он прикасался губами к теплой от сна коже, ласкал мочку уха с небольшой черной жемчужиной серьги, вдыхал едва уловимый запах духов. Марина не просыпалась, и Женька осмелел, осторожно просунул ладонь под бретельку черной ночной рубашки. Пальцы как-то совсем привычно легли на грудь, обняли ее. «Моя, – подумал Хохол с нежностью. – Со- всем моя, вся... Чуди как хочешь, только не уходи навсегда. Я все вытерплю... Ты мне нужна, как никто».

Почувствовав, что больше не может удерживать рвущееся желание, он рывком развернул ее на спину, содрал рубашку... Коваль застонала, выгибаясь под ним и подчиняясь заданному бешеному темпу. Она не открывала глаз, и это за- водило Хохла еще сильнее. Он совершенно потерял рассу- док, впивался губами в тонкую кожу на шее, сжимал паль- цами грудь так, что синяки наливались практически сразу. Марина не замечала этого – ей чудился прежний Женька, безудержный и жестокий, заставляющий ее ломаться и усту- пать его силе. Это видение словно подхлестывало ее, дарило какое-то совсем уж дикое наслаждение.

– Не... не молчи... – прохрипел Хохол ей в ухо, одновре- менно вцепляясь рукой в волосы и поворачивая ее голову так, чтобы сильнее обнажить шею.

Марина застонала, и это было совсем не наигранно – боль оказалась нестерпимой.

– Дааа... – Хохол выгнулся, замер на пару секунд и без

сил рухнул на нее сверху. — Котенок... любимая...

Марина перевела дыхание, облизала пересохшие губы и улыбнулась счастливой улыбкой.

— Ты сошел с ума.

Она слышала, как колотится его сердце, все никак не восстанавливавшее нормальный ритм, и ей вдруг стало страшно. Хохлу, перенесшему год назад сердечный приступ, такие упражнения были не особенно полезны.

— С тобой все в порядке? — она обеспокоенно тронула его за плечо, и вдруг Хохол скатился с нее, упал на пол, раскинув руки.

Коваль завизжала и вскочила с дивана, не обращая внимания на разорванную рубашку, свисающую лохмотьями, упала на колени рядом с распластанным Женькой и приложила ухо к его груди. И тут раздался хохот. Это смеялся Хохол, не в силах играть дальше.

— Ах ты, сволочь! — Марина оседлала его и принялась колотить кулаками по груди.

Женька со смехом уворачивался, нежно придерживая ее за бедра.

— Испугалась?

— Не шути так больше, — серьезно попросила она, прекращая лупить его. — Ты ведь знаешь, что для меня нет ничего страшнее, чем потерять тебя.

«Тогда почему ты сама, своими собственными руками делаешь для этого все?» — вертелось у него на языке, но Хохол

сдержался. Утро началось так хорошо – так стоило ли портить его продолжением ночного разговора? Он прикоснулся пальцем к огромному кровоподтеку на шее Марины и вздохнул.

– Опять разукрасил тебя всю.

– Ерунда какая, – только отмахнулась Коваль, чуть скосив глаза и оглядев синие отпечатки пальцев на груди и кровоподтек на животе. – Ты ведь знаешь, я отношусь к этому иначе. Мне все, что делаешь со мной ты, приятно и нормально.

– Ну, ты у меня знатная чудачка, – хмыкнул он. – Но вот Грег увидит шею – и что говорить?

– А ты потихоньку принеси мне водолазку с горлом – и все, – рассмеялась Марина.

– Иди в душ, чудовище. Ребенок скоро встанет, ему в школу вообще-то. Пойду я блины печь, – Женька обнял Марину и поднялся вместе с ней с пола, шагнул к двери. – Беги, моя сладкая.

Коваль на цыпочках, чтобы ненароком не разбудить сына и не показаться ему в таком nepотpeбном виде, пробежала наверх и заперлась в душе.

Звонок Ветки застал ее расслабленной после завтрака, лежащей на постели в зашторенной спальне. Взглянув на дисплей, Марина поморщилась – эти звонки стали уж слишком частыми.

– Алло.

– Мэриэнн... прости меня, – прошелестела Виола. – Я наговорила тебе лишнего, но поверь – я так испугана, что не нахожу себе места.

– Разумеется, это был повод, чтобы обвинить меня во всех смертных грехах, дорогая. Ты всегда так поступала.

– Мэриэнн... пожалуйста...

– Чего ты хочешь от меня? – Марина испытала легкое раздражение. предав ее, Ветка теперь думает, будто вправе надеяться на сочувствие – странная логика.

– Помоги мне выпутаться. Я чувствую – это какие-то старые Гришкины косяки. А в этом можешь разобраться только ты.

– А теперь объясни мне, почему я должна делать это? Бросать мужа, сына, лететь в вашу Россию, ковыряться там в бесовском дерьме столетней давности? Мне-то это зачем? – Марина достала сигарету из лежавшей рядом на постели пачки, дотянулась до пепельницы и закурила, перевернувшись на живот.

– Мэриэнн... ты же не чужая мне! К кому мне еще бежать с этим? – взмолилась Ветка с отчаяньем в голосе.

– А к Ворону что же не пойдешь? Ведь это ему ты так легко продала меня. А сейчас что же?

– Я сделала все, чтобы он не вспомнил об этом разговоре! Клянусь тебе чем захочешь – он никогда не говорил...

– Ну, еще бы! – со смехом перебила Марина. – Разумеется, он не говорил – зачем? Он меня живьем видел, какие тут

разговоры? Но факт, Ветуля, вещь упрямая – ты меня сдала. И будь Ворон не тем, кто он есть, вообще непонятно, чем бы все закончилось.

– Мэриэнн... ну, не закончилось ведь! – простионала Ветка. – Я не думала, что ты настолько злопамятна...

Марина едва не захлебнулась дымом от смеха – только Ветка могла позволить себе такую святую наивность и убежденность в собственной непогрешимости. Коваль никогда ничего не забывала, и если человек делал ей зло, то рано или поздно рассчитывалась по самой высокой ставке. И исключений не было. Разве что племянник, но с ним Марина пока просто не знала, что делать. Хотя мыслишка крутилась...

– Я, дорогая, не злопамятна совершенно. Как ты помнишь, у меня просто хорошая память на зло – и все. Валяй, говори, что стряслось, – велела она, ткнув окуроч в пепельницу.

Ветка с явно слышимым облегчением выдохнула.

– Мэриэнн... я бы не хотела по телефону... ты ведь понимаешь?

– Ты отвратительная мелкая шантажистка.

– Но ведь ты за это меня и любишь, дорогая, правда? – промурлыкала ведьма игривым тоном.

– Не надейся. Как только решу – сообщу.

– Мэриэнн, пожалуйста! Тут счет на дни...

– Сиди дома и никуда не высывайся. Где ребенок?

– В больнице. Я его раз в три месяца на реабилитацию гос-

питализирую, иначе просто невозможно, – удрученно сказала Ветка.

– Прекрасно. Ты можешь как-то организовать ему постоянное наблюдение там?

– Да, конечно, с ним и так все время няня и охранник. Но он ведь меня ждет...

– Интересно, кого он будет ждать потом, если тебе во время такого визита голову открутят? – задумчиво проговорила Марина, злясь на непонятливость подруги.

– Я поняла...

– Ну, и прекрасно. Сиди и жди. Я позвоню.

... – Понимаешь, я не могу это так оставить...

Марина сидела за барной стойкой, пила кофе и пыталась объяснить Хохлу причину своего внезапного решения поехать в Россию. Естественно, Женька понимать это отказывался, приводя резонные доводы о сложности получения визы, о надвигающихся новогодних праздниках, о том, что они обещали Грегори провести каникулы на Кипре в собственном доме. Но в душе он уже смирился, потому что знал: он ничего не сможет поделать. Если Марина решила – будет так, как она сказала.

– Зачем тебе-то туда вязаться? Тебя-то как это касается?

– Женя, ты не понимаешь...

– Конечно, не понимаю. И не пойму никогда! – загремел он, ударив кулаком по столешнице. – Ты так и не поняла:

в России тебя никто больше не ждет! И если что-то случится, я не успею прилететь и помочь тебе! Просто не успею!

– Ничего не случится.

– Ну-ну, давай, – отмахнулся он, устав доказывать и наткаться на одни и те же ответы. – Только помни, что грань между «Вот тут чуть-чуть подправлю, и будет хорошо» и «Ох, бля, что же я наделала опять!» – о-о-очень тонкая. А ты ее никогда не чувствуешь, грань эту.

Марина хохотнула, но заметила, что настроение у Женьки испортилось, лицо помрачнело, а лопатка, которой он переворачивал последний блин на сковороде, со смачным щелчком вдруг сломалась.

– Женья...

– Джек я, а не Женья. Все, хватит. Поела – иди отсюда.

Он повернулся к ней спиной, и Марина поняла – действительно, все, он больше ничего не скажет.

Хохол молчал все время до ее отъезда. Это были самые тяжелые дни в Марининой жизни за последние годы. Она старалась держать его в курсе, рассказывала что-то, пыталась получить ответы, но бесполезно. Он только угрюмо кивал – или вообще не реагировал и сразу уходил от нее. Только с Грегори у него все было хорошо – они много времени проводили вдвоем, играли, взялись вдруг собирать из деталей большую яхту с мотором... Марина чувствовала уколы ревности, потому что сын общался с ней куда менее охотно, чем

прежде.

Ночами она тоже страдала от одиночества – Хохол перебрался жить в гостевую спальню. Марина понимала его и не осуждала, но сердце ее часто ныло от обиды. Ведь он же сам сказал – побудь свободной, так зачем же теперь так демонстративно выражал неодобрение?

С Грегом все оказалось немного проще, чем Марина думала. И в этом тоже помог Хохол, объяснив мальчику: матери пришло время показаться врачам, и потому она уедет на какое-то время. Грег было напомнил о Новом годе и обещанных каникулах, но Женька сказал, что на Кипр они поедут втроем с дедом, а маме все равно сейчас нельзя туда. На этом разговоры и закончились.

Улетала Коваль за сутки до Нового года, и это значило, что в родной город она попадет всего за несколько часов до боя курантов. Ее это, правда, не особенно огорчало – Новый год никогда не значился в списке ее любимых праздников, а со смертью Егора и вовсе превратился в формальное событие, отмечавшееся только ради Грегори. Так что перспектива провести эту ночь в съемной квартире в одиночестве Марину не пугала. Ветка, правда, настаивала на том, чтобы она ехала сразу в «Парадиз», но Марина отказалась, мечтая просто выспаться после двух перелетов.

Хохол поехал провожать ее – ну, а как же, не мог ведь он отпустить Марину неизвестно на сколько, не простившись... Как бы ни был зол Женька, но беспокойство, охватившее его

с утра, все-таки пересилило, и он хотел убедиться, что хотя бы по дороге в аэропорт с Мариной ничего не произойдет.

Они стояли возле стойки регистрации; Коваль держала в одной руке паспорт и посадочный талон, а другой крепко уцепилась за борт распахнутой Женькиной куртки. Хохол смотрел куда-то поверх ее головы, и весь вид его выражал тревогу и беспокойство. Марина порывисто прижалась к нему, обняла и почувствовала, как он вздрогнул и крепко обхватил ее ручищами в ответ.

– Не уезжай, родная... я прошу тебя – не уезжай, не надо, – пробормотал он, касаясь губами ее макушки.

– Джек... я не могу...

Хохол почти грубо оттолкнул ее, развернулся и быстрыми шагами пошел к выходу. Марина еще долго стояла на прежнем месте, глядя ему вслед, и, даже когда он совсем скрылся из вида, не могла заставить себя пойти в терминал. Но потом, помотав головой, взяла себя в руки и решительной походкой двинулась к стойке паспортного контроля.

Урал

Телефонный звонок заставил его открыть глаза и сесть. Звук терроризировал перепонки, хотелось схватить ненавистный аппарат и расколотить его вдребезги – вырвал из такого прекрасного сна. Но нужно было отвечать – это мог звонить информатор.

Так и оказалось.

– Она не выходила из дома ни разу с того дня. В доме постоянно толчется телохранитель и человека четыре охраны. Ну, плюс домработница и еще кто-то.

– Дальше.

– Сегодня из двора вышла машина, я приставил человека, он звонил только что. В аэропорт поехала, там водитель и один из охранников. Что дальше делать?

– Пусть проследят, кого встретят, потом позвони мне.

– Да, понял.

«Интересное кино, – подумал он, положив трубку. – Му-женек в больнице, а мадам кого-то в аэропорту встречает прямо накануне Нового года. Родни у нее нет, насколько я знаю. Так кого же?»

Ветка еле сдерживала нетерпение. Только присутствие сына, которого она забрала на праздники из Центра, заставляло ее сосредоточиться на каких-то делах, иначе она сама бы

рванула в аэропорт.

Коваль все-таки прилетела. До последнего момента, до последнего ее телефонного звонка у Ветки было сомнение, но Марина все-таки прилетела. Жаль, конечно, что отказалась встречать Новый год вместе с Виолой и Алешей, но это уже ее личные предпочтения, она всегда не любила этот праздник. Ничего, зато у них столько совместных дней впереди. И, возможно, ночей – если Коваль не передумает.

Виола наскоро наряжала елку при помощи Сани и сидевшего на полу Алеши. Стоять мальчику было трудно, требовался специальный аппарат-ходунки, но наряжать елку в таком приспособлении оказалось неудобно. Поэтому Ветка решила проблему просто – усадив сына на толстый плед и вручив ему коробку игрушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.